

Сэндмен Слим

Автор:

Ричард Кадри

Сэндмен Слим

Ричард Кадри

Fanzon. Наш выбор

Старка, молодого мага, собрата-окультисты отправляют в Ад. Там ему приходится биться с демонами на гладиаторских боях и служить личным киллером Азазеля. Спустя одиннадцать лет он сбегает из Преисподней. Он восстает в Лос-Анджелесе для того, чтобы отомстить предателям. Но все оказывается не так просто... Завораживающая кинематографичная смесь фэнтези, триллера, крутого детектива и литературы черного юмора от одного из создателей киберпанка.

Ричард Кадри

Сэндмен Слим

Николя

О, справедливый Судья мщения,

даруй мне отпущение грехов перед Судным днем!

СЕКВЕНЦИЯ DIES IRAE

Чем более глупым считают тебя люди, тем сильнее удивляются, когда ты их убиваешь.

УИЛЬЯМ КЛЕЙТОН

Я ОЧУХИВАЮСЬ на дымящейся куче из мусора и опавших листьев на старом кладбище «Голливуд навсегда» за участком студии «Парамаунт» со стороны Мелроуз-авеню, хотя догадываюсь об этом несколько позже. В первый момент мне понятно только одно: я вернулся в мир, и я горю. Хотя разум мой еще не вполне включился, инстинкты заставляют тело соскочить с объятый пламенем кучи и катиться дальше, пока жар наконец не перестает чувствоваться.

Осознав, что опасность миновала, я с трудом поднимаюсь на ноги и стягиваю с себя кожаную куртку. Затем провожу руками по пояснице и ногам. Настоящей боли нет. Кажется, я легко отделался: только парой волдырей – под правым коленом и на голени. Джинсы немного подпеклись, но толстая кожа куртки защитила спину. Я не получил настоящих ожогов, всего лишь слегка опалился и испытал шок.

Скорее всего я не пробыл в огне слишком долго. Но в этом смысле мне везет. Всегда везло. В противном случае я бы спекся в угольный брикет уже через пять минут пребывания на земле. Представляю, как хохотали бы ублюдки с черными сердцами, если бы я загремел обратно в Ад сразу после того, как ловко слинял оттуда через заднюю дверь. Впрочем, идут они в жопу! Я дома, и я жив, хоть и немного потрепан путешествием. Но никто не говорил, что рождение – это легко. А перерождение просто обязано быть в два раза тяжелее первого появления на свет.

Свет.

Тело больше не горит, но глаза в глазницах почти кипят. Как давно я не видел солнечного света? Внизу, в заднице мироздания, царит вечный малиново-пурпурный полумрак. Сейчас я даже не могу сказать, какого цвета кладбище, на котором я нахожусь, поскольку всякий раз, когда я пытаюсь открыть глаза, зрение застилает мучительной белизной.

Щурясь, как крот, я отбегаю в тень колумбария и сгибаюсь там, прикрыв лицо руками и уткнувшись лбом в холодную мраморную стену. Проходит минут пять

или десять, прежде чем я отрываю ладони от лица и позволяю кроваво-красному свету просочиться сквозь веки. В течение следующих двадцати минут я постепенно разлепляю глаза, впуская понемногу ослепительный свет лос-анджелесского солнца, и мысленно скрещиваю пальцы, надеясь, что никто не увидит меня сидящим на корточках возле стены. Прохожие непременно решат, что я спятил, и вызовут полицию. А с этим, черт возьми, уже ничего нельзя будет поделать.

Колени и мышцы голеней начинают болеть еще до того, как мне вполне удастся открыть глаза. Я вытягиваю ноги и сажусь на землю, прижавшись в холодной стене, чтобы хоть немного снять мышечное напряжение. Несмотря на то что теперь я вроде как вижу, пока категорически не готов выйти на солнце. Сидя в тени, я принимаюсь размышлять.

Одежда опалена, но еще пригодна для носки, если не обращать внимания на запах сгоревшего мусора. На мне древняя футболка с принтом «Germs»[1 - «The Germs» - первая панк-группа в Голливуде, игравшая хардкор, чьи песни в дальнейшем вдохновили десятки групп, в том числе Nirvana (здесь и далее прим. пер.).], которую моя девушка урвала в каком-то антикварном магазине в Западном Голливуде. Кроме футболки - черные джинсы с дырками на коленях, ношенные сапоги-«инженеры»[2 - Engineer boots - сапоги из толстой кожи с высоким голенищем и фиксирующими ремешками сверху и снизу. Приобрели культовый статус среди молодежи в 1950-х годах после выхода на экраны фильма «Дикарь» с Марлоном Брандо.] и потрепанная мотоциклетная куртка из толстой кожи с заклеенными скотчем проблемными местами. Каблук правого сапога шатается после того, как я выбил им дурь из говнюка-угонщика, вышвырнувшего на светофоре какую-то верещащую тетку из машины на тротуар. Терпеть не могу копов и ненавижу, бл...ь, замечательных героев, но бывает в жизни херня, с которой невозможно мириться - тем более когда она происходит совсем рядом. Конечно, это было давно, еще до путешествия вниз. Не знаю, как поступил бы я сегодня, разыграйся передо мной похожая сцена. Скорее всего и сейчас пнул бы угонщика в рыло, но вряд ли потом позволил ему уйти.

Мысли мои заняла более важная тема: о том, что теперь на мне именно та одежда, которую я носил до того, как меня похитили демоны. На твердый пол Подземного Мира я упал абсолютно голым. Когда я попытался встать, шатаюсь и теряя равновесие, я услышал первый взрыв дикого смеха, и меня вырвало перед толпой падших ангелов. Потом они смеялись, в основном когда я терпел

физические унижения то от одного, то от другого дьявольского пса. Уж поверьте, ад – это довольно суровое место.

Прошло много времени с тех пор, как я в последний раз видел эту одежду. Я обшариваю карманы в поисках денег или чего-нибудь полезного. Такового не много. В карманах почти пусто, за исключением двадцати трех центов и пустого розового спичечного коробка с именем и адресом голливудского поручителя. У меня нет ключей – ни от квартиры, ни от старенькой «Импалы», оставшейся от отца.

Я чувствую давление повыше правой лодыжки, и меня охватывает настоящая волна счастья. Черный клинок со мной – он привязан к ноге ремнями из кожи василиска. Прижав руку к груди в области сердца, я нащупываю цепочку под футболкой и толстую золотую монету Веритас[3 - Veritas (лат.) – истина.], висящую на ней. Тот факт, что я вообще на Земле, означает, что ключ от Комнаты Тринадцати Дверей все еще у меня – даже несмотря на то, что я не могу его потрогать или увидеть. Итак, три предмета из Ада мне вынести все-таки удалось. Но на это потребовалась немалая ловкость. Конечно, ни один из этих предметов не отменяет того факта, что у меня нет денег, удостоверения личности и машины, что одежда моя чуть не сгорела, и я не знаю, где буду ночевать. Кроме того, я понятия не имею, где нахожусь, за исключением того, что эта трейлерная стоянка возле кладбища навевает мысли о Лос-Анджелесе. Так что начало ни хрена простым не будет. Видимо, я стану первым в истории убийцей, которому придется попрошайничать, чтобы заработать на патроны.

Еще не прозрев, я медленно добираюсь до центральных ворот кладбища и подле них погружаю руки в воду, текущую с вершины фонтана созерцания. Затем жадно пью и брызгаю себе водой на лицо. Вода холодная и вкусная, как первый поцелуй. И тут меня окончательно отпускает. Это не какая-нибудь дьявольская иллюзия, колдовство или игра, затеянная нарочно, чтобы сломить мой дух. В этот раз я действительно дома.

Но куда, черт возьми, запропастились все люди?

Снаружи именно то, на что я рассчитывал: к северу от того места, где я нахожусь, виднеются знаменитые большие белые буквы «HOLLYWOOD». Торчащие на грязно-коричневом лысом холме, они еще никогда не казались столь прекрасными. С противоположной стороны по Мелроуз-авеню время от времени проносятся машины, но их до странности мало. А на тротуарах людей

нет вообще! Под углом относительно ворот кладбища стоят несколько небольших домов. Зеленые лужайки украшены фонарями, пластиковыми оленями и надувными снеговиками. Через дорогу на дверях некоторых домов висят венки.

Охереть! Сегодня Рождество! По некоторым личным причинам я нахожу это дико смешным и начинаю хохотать, как идиот.

Кто-то жестко врезается мне в спину, и сразу становится не до веселья. Я оборачиваюсь и оказываюсь лицом к лицу с молодым человеком, выглядящим как менеджер-карьерист. Он смазливый, как Брэд Питт, у него аккуратная прическа и черный двубортный пиджак. Такая прическа и такой пиджак стоят дороже моей старой машины. Но откуда он выскочил, черт возьми? Надо взять себя в руки. В Нижнем Мира никому не удавалось подкрасться ко мне незаметно.

– Какого хера?! – орет «Брэд Питт» и отступает на пару шагов назад на негнущихся ногах.

Как будто я виноват, что он в меня врезался!

Хоть на улице не жарко, он обливается потом, как скаковая лошадь, и делает резкие быстрые движения, словно заводная игрушка. Он смотрит на меня так, будто я только что убил его любимую собаку.

– Остынь, Дональд Трамп, – отвечаю я. – Вообще-то это ты меня толкнул.

Он нервно утирает верхнюю губу тыльной стороной ладони, и из его руки что-то падает на землю. Молодой человек дергается, но, вместо того чтобы поднять упавшее, отступает еще на шаг. На тротуаре между нами лежит пластиковый пакет с сотней кокаиновых снежно-белых «камешков» внутри. Я улыбаюсь. Добро пожаловать в Лос-Анджелес на Рождество. Поздоровайтесь с Сантой, затарившимся для вечеринки, которую мне определенно придется пропустить.

Прежде чем я успеваю что-нибудь сказать, парень лезет в карман пиджака. Я хватаю его за руку в тот же миг, когда он достает оттуда электрошокер, затем беру за запястье и выворачиваю наружу, тем самым вынуждая потерять равновесие и свалиться, сильно ударившись о тротуар лицом. В этот момент в голове моей нет никаких мыслей. Тело действует само, будто на автопилоте.

Должно быть, какая-то часть мозга до сих пор работает правильно.

«Брэд Питт» не шевелится. Он упал на собственный шокер, который теперь торчит у него из-под ребер. Я отпинываю «оружие» в сторону и трогаю его за шею. Несмотря на то что он лежит без сознания, пульс сильно учащен. Кто сказал, что крэк вреден для здоровья? К лацкану его пиджака приколотая маленькая булавка в виде новогодней елки. Ее вид возвращает меня к мыслям о Рождестве, о том, каково это – оказаться где-то одному, без друзей, а также как воспользоваться своим «Тайным Сантой» прямо сейчас. Кажется, мой новый друг может сыграть роль доброго самаритянина не хуже, чем любой другой человек за пределами кладбища у Мелроуз. Я бросаю быстрый взгляд в сторону улицы, убеждаясь, что там по-прежнему пусто, затем кладу электрошокер в карман и оттаскиваю молодого человека в глубь кладбища – за какую-то изгородь.

Перевернув парня, я с радостью обнаруживаю, что это Санта, Зубная Фея и Пасхальный Кролик в одном лице. Его бумажник из кожи морского угря плотно набит сотенными купюрами – здесь по меньшей мере несколько тысяч долларов. Несмотря на то что дерганый сукин сын был буквально упорот кокаином и в своей паранойе пытался убить меня электричеством только за то, что я оказался у него на пути, меня терзает легкое чувство вины, когда я копаюсь у него в карманах. В свое время я совершал немало сомнительных поступков, но грабить мне еще не доводилось. Хотя технически это не ограбление. Ведь «Брэд Питт» напал на меня первым. В иных обстоятельствах вынутое из экипировки этого парня можно было бы отнести к «трофеям войны». Кроме того, я отчаянно нуждаюсь в его вещах. Ведь я вернулся ни с чем – без друзей и знакомых, не имея толкового плана действий.

Я забираю у него наличные, солнцезащитные очки «Порше», нераспечатанную пачку «Black Black Gum»[4 - «Black Black Gum» («Чернее Черного») – японская жевательная резинка. Содержит в составе ментол, эвкалипт и кофеин, оказывающие сильное тонизирующее действие.], а также пиджак, который хоть и жмет немного в плечах, но довольно неплохо на мне сидит. Ему я оставляю кредитки, ключи от машины, большой пакет рождественского крэка, а также свою полуобгорелую кожаную куртку. Данный инцидент станет одним из тех грехов, которые мне придется замаливать позже. Я всего десять минут на Земле, но уже успел пополнить длинный список своих прегрешений.

На ходу я открываю пачку жвачки с кофеином и зажевываю одну пластинку, чтобы хоть как-то избавиться от привкуса горелого мусора.

Ватные непослушные ноги ведут себя так, будто они не мои. Я иду вперед, пошатываясь и спотыкаясь обо все бордюры. И чуть не выпрыгиваю из собственной кожи, когда случайно наступаю на игрушку-пищалку, забытую каким-то ребенком на улице. Что поделать – я не такой крутой, как Чак Норрис. Но мало-помалу кровь разгоняется по моим ногам, они снова обретают чувствительность и начинают восприниматься как часть моего собственного организма. Я иду куда глаза глядят – не выбирая направлений и не имея определенной цели. Конечно, мне хочется домой, но что, если Азазель уже направил туда своих ручных пауков – кровососов размером с ротвейлеров? К встрече с ними я пока не готов. Размышляя об этом, я вытаскиваю из-под футболки цепочку и отстегиваю от нее Веритас.

Диаметр тяжелой серебряной монеты – около двух дюймов[5 - Примерно 5 сантиметров.]. По гурту змеится надпись на адском языке: «Дом, милый дом». Здо?рово. Она уже проснулась и, как обычно, хамит.

На одной стороне монеты выбито изображение утренней звезды – Люцифера, а на другой – многолепестковый цветок вроде хризантемы. Это асфodelь, цветок загробного мира, чье название с адского можно перевести как «вечерняя песня». Цветы пытаются петь гимны, которые падшие ангелы распевали, когда жили в Царствии Небесном. Они поют их весь день до вечера, отчаянно фальшивя и путая слова, после чего душат себя своими же корнями и умирают. На следующий день цветы воскресают и приступают к пению заново. Несмотря на то что такое продолжается, наверное, миллион лет, большинство обитателей ада находят их пение чрезвычайно смешным. Адский юмор довольно консервативен. Кроме того, рядовым жителям Ада (за исключением самого Люцифера и его приближенных) незатейливый юморок «Деревенщины в Беверли-Хиллз»[6 - «Деревенщина в Беверли-Хиллз» («The Beverly Hill billies») – американский комедийный сериал 1960-х годов.] покажется не менее сложным, чем творчество «Алгонкинского Круглого Стола»[7 - «Алгонкинский Круглый Стол» («Algonquin Round Table») – один из самых влиятельных кружков нью-йоркской культурной богемы, регулярно собиравшийся в отеле «Алгонкин» с 1919 по 1929 г. Упражнявшиеся в тонком остроумии члены кружка внесли весомый вклад в американскую культуру.].

Положив большую монету на большой и указательный пальцы, я подбрасываю ее с мыслью о том, куда мне пойти – в Голливуд или домой? Веритас падает асфodelью вверх. Значит, так тому и быть. Веритас никогда не лжет и способна дать более толковый совет, чем любой знакомый мне человек. Я прикрепляю ее

обратно к цепочке и поворачиваю на север – в Голливуд.

До Голливудского бульвара идти не меньше мили. Я совершенно устаю, пока добираюсь до него, и вижу не совсем то, на что рассчитывал. Пока я отсутствовал, бульвар пережил страшный упадок. Многие витрины пустуют. На улице валяется мусор. Улица теперь полна призраков: тени наркоманов и их дилеров жмутся к дверям, закрытым на всякие замки. А я помнил бульвар другим: когда он был полон оголтелых пацанов, трансвеститов, сумасшедших подражателей Дилану и туристов, высматривавших нечто большее, чем очередную дозу. Теперь это место напоминает побитую собаку.

Я вымотан от долгой ходьбы на непослушных ногах и весь употел в пиджаке от «Брэда Питта». Надо было забрать у этого дурачка машину. Я мог бы оставить ее на бульваре – в целости и сохранности. Хотя скорее всего я бы бросил ключи одному из прислонившихся к зданию ребят – просто чтобы посмотреть, осталась ли еще хоть капля жизни в его мертвых глазах.

Углубляясь в дебри Голливуда, я дохожу до Айвар-авеню и вижу забавную вывеску в окружении горящих факелов на подставках. «Бамбуковый дом кукол», – написано на ней. Помню это название. Олдскульный фильм про кун-фу и женщин, терпящих муки в концлагере. Я смотрел его в Нижнем Мире. Да, да, у дьявола есть свое кабельное телевидение. Неужели вы не знали?

Внутри «Бамбукового дома Кккол» прохладно и сумрачно. Я могу снять очки «Брэда Питта» без риска ослепнуть. По окрашенным в черный цвет стенам развешаны плакаты со старыми добрыми Игги и «Circle Jerks»[8 - «Circle Jerks» – американская хардкор-группа, в первой половине 1980-х считавшаяся ведущей на лос-анджелесской панк-сцене.], но за стойкой бара расставлены пальмовые ветви, пластиковые полинезийские девки и кокосовые чашки для арахиса. Кроме меня и бармена, здесь больше никого нет. Я присаживаюсь на крайний барный стул – подальше от двери.

Бармен нарезает лайм. Затем отвлекается на секунду, чтобы кивнуть мне, свободно и привычно удерживая нож в правой руке. Часть моего мозга занята тем, что оценивает его внешний вид. У него коротко остриженные черные волосы и седеющая борода-эспаньолка. Под гавайской рубахой довольно крепкое тело. Видимо, бывший футболист. Или боксер. Он видит, что я пристально его рассматриваю.

– Отличный пиджак, – говорит бармен.

– Спасибо.

– Правда, судя по остальной одежке, ты только что вылез из жопы дьявола.

Внезапно мне приходит в голову мысль, что это какая-то адская ловушка. Я начинаю раздумывать, успею ли вовремя достать шокер «Брэда Питта» или нож. Видимо, все это отражается на моем лице, поскольку здоровяк немедленно лыбится, как олень, застигнутый светом фар, и я понимаю, что он так шутит.

– Расслабься, приятель, – говорит он. – Всего лишь неудачно пошутил. Кажется, у тебя был говеный день? Что обычно пьешь?

Вопрос застаёт меня врасплох. Еще вчера я жадно охотился на воду, которая иногда капает с потолков известковых пещер под Пандемониумом. Но в основном приходилось пить крафтовое адское пойло под названием «Aqua Regia» (она же «Царская водка») – жидкость, похожую на высокооктановое красное вино с примесью ангельской крови и различных трав. По сравнению с ним эффект от кокаина покажется не сильнее, чем от детских конфет-шипучек. На вкус царская водка – как раствор кайенского перца в бензине, но, будучи внизу, я ее вполне выдерживал.

– «Джек Дэниэлс».

– За счет заведения, – отвечает бармен и наливает мне двойную порцию.

Играет необычная музыка. Что-то тропическое, с фальшивым щебетанием птиц. На барной стойке лежит коробочка от CD – с гавайским закатом на обложке и именем Мартин Дэнни[9 - Мартин Дэнни (1911–2005) – американский пианист и композитор, родоначальник музыкального направления Exotica, представляющего собой сочетание различных этнических стилей.]. Я выплевываю жвачку на салфетку и отпиваю виски. Очень странный вкус. Я уже подзабыл, на что похожи человеческие напитки. Зато он смывает последние остатки мусорного привкуса.

– Что это, черт побери, за место?

– «Бамбуковый дом кукол». Лучший и единственный в Лос-Анджелесе тики-панк-клуб.

– О как! Всегда считал, что Лос-Анджелесу именно такого не хватает. – Поскольку я в баре, начинает хотеться чего-то еще. – Забыл сигареты. Угостишь?

– Извини, приятель. В барах Калифорнии курить запрещено.

– Это с каких пор? Чушь какая-то.

– Полностью согласен.

– Что ж, по крайней мере, на Рождество я оказался дома.

– Почти. Ты опоздал всего на день. Неужели Санта ничего тебе не подарил?

– Разве что это путешествие. – Я глотнул еще. Итак, Рождество уже наступило. Но улицы до сих пор пусты, а это значит, никто не увидит, как я пробираюсь домой. Мне везет. – У тебя есть сегодняшняя газета?

Бармен достает из-под стойки и кладет передо мной свернутый экземпляр «L.A. Times». Я беру его в руки, стараясь не демонстрировать нетерпения. Я не смотрю на заголовки и не обращаю внимания ни на что, кроме даты вверху страницы.

Одиннадцать лет. Меня не было одиннадцать лет. В Нижний Мир я попал девятнадцатилетним, а значит, теперь – почти старик.

– У тебя есть кофе?

Он кивает.

– Значит, ты пропустил Рождество. Потерял выходные. У меня тоже такое бывало.

Горячий кофе прекрасен. Он с легкой горчинкой, будто немного переварен. Я выливаю в него остатки «Джека Дэниэлса» и пью. Первый идеальный вечер за одиннадцать лет.

– Ты местный?

– Родился здесь, но пришлось уехать.

– По делам бизнеса или для удовольствия?

– Находился в заключении.

Он снова улыбается. В этот раз обычной человеческой улыбкой.

– В моей противоречивой юности был период, когда я шесть месяцев подряд угонял тачки. За что тебя посадили?

– Честно говоря, сам не понял. Наверное, оказался в неправильном месте в неправильное время.

– Это вернет тебе улыбку, – говорит он и наливает мне еще виски, не забыв долить чашку свежим кофе.

Этот бармен, наверное, самый приятный человек, которого я встречал в жизни.

– И зачем ты вернулся?

– Чтобы убить несколько человек, – отвечаю я и снова выливаю виски в кофе. – Вернее, очень много людей.

Бармен берет тряпку и начинает натирать стаканы.

– Наверное, кто-то должен заниматься и этим.

– Спасибо за понимание.

– Полагаю, в любое время в обществе найдется от трех до пяти процентов нераскаявшихся крысенышей или тупых уё...ков, которые заслуживают самой страшной кары.

Бармен продолжает натирать стакан. По мне, он и так уже идеально чистый.

– Кроме того, у меня такое чувство, будто у тебя на то есть личные причины.

– Совершенно верно, Карлос.

Он перестает тереть.

– Откуда ты знаешь, что меня зовут Карлос?

– Ты сам это только что сказал.

– Я не говорил.

Я смотрю через его плечо на стену за барной стойкой.

– На кассовом аппарате стоит сувенир. А на нем надпись: «Карлосу. Величайшему в мире боссу».

– Ты смог прочитать на таком расстоянии?

– Видимо... – Почему его имя всплыло у меня в голове? Очень странно. Наверное, пора уходить. – Сколько я должен?

– За счет заведения.

– Ты так обходителен с любым забредающим сюда убийцей?

– Нет, только с тем, кто выглядит так, будто только что выполз из горящего здания, не испачкав пиджак. Я люблю, когда людям нравится мой бар. Возможно, теперь ты захочешь сюда вернуться.

– То есть ты хочешь, чтобы сюда вернулся тот, для которого вываливаться из жопы дьявола, по твоим же словам, – обычное дело?

– Именно. – Он смотрит в сторону, будто пытаюсь подобрать дальнейшие слова. – Здесь есть ребята... Белые. Татуированные с ног до головы. Арийские нацисты или типа того. Заходят сюда, требуют денег за защиту. Намного больше, чем я могу себе позволить с таким маленьким баром.

– И ты решил, что я могу с этим что-нибудь сделать?

– Ты выглядишь как человек, который знает, что можно с этим сделать. Который не станет... – он вновь задумался, – пугаться, что ли...

Заметно, что такие слова даются ему нелегко. Может, для этого Веритас привела меня сюда? Я здесь всего два часа и уже получил кармическую расплату? За ту бойню, которую запланировал, но еще не успел начать? Да нет, в этом не было бы никакого смысла.

– Извини. Не думаю, что смогу тебе помочь.

– Как насчет такого предложения: бесплатная выпивка и бесплатный ужин. Хорошие бургеры, ребрышки, тамале[10 - Тамале – острое блюдо мексиканской кухни: лепешка из кукурузной муки с начинкой из мясного фарша с перцем чили, обернутая кукурузными листьями и приготовленная на пару.]. Ты ешь и пьешь здесь до конца времен.

– Отличное предложение. Но я не думаю, что смогу тебе помочь.

Он отводит глаза и возобновляет протирку стаканов.

– Если вдруг передумаешь, они приходят сюда по четвергам, во второй половине дня. Когда у нас завоз.

Я встаю и направляюсь к двери. На полпути он кричит «Эй!» и толкает что-то по поверхности стойки бара ко мне. Это пачка сигарет «American Spirit browns», без фильтра. Под целлофановой оболочкой имеются и спички.

– Возьми, – говорит бармен. – Мне здесь тоже курить нельзя.

Надев темные очки «Брэда Питта», я спрашиваю:

– А у тебя еще есть?

– Нет.

– Ты охеренно хорош для первого свидания, Карлос.

Черт возьми! Когда тебе дарят последние сигареты, то волей-неволей становишься должен.

Щебет птичек Мартина Дэнни сопровождает меня до самой двери.

Оказывается, темные очки мне больше не нужны. Наверное, я зашел в двери «Бамбукового дома кукол» позднее, чем мне казалось. Теперь солнце почти село, и вдоль бульвара зажглись фонари. Ночью Голливуд мне всегда нравился больше. Уличные фонари, фары и мерцающие вывески в стороне от туристических мест размывают прямые линии и жесткие углы, которые портят это место днем. По-настоящему бульвар реален ночью, в сочетании яркости и темноты, когда каждая тень таит в себе смутные обещания. Как будто его проектировали и строили специально для вампиров. Кстати, насколько я знаю, так оно и было.

Да, да, вампиры существуют. Постарайтесь не падать в обморок.

Углубляясь в Голливуд, я считаю до одиннадцати.

Одиннадцать метров парковки. Одиннадцать проституток вышли на свою первую после Рождества смену. На тротуаре одиннадцать звезд одиннадцати новых актеров, о которых я никогда не слышал.

Одиннадцать лет. Одиннадцать чертовых лет, и теперь я дома с ключом, карманным ножиком и монетой, на которую не купить даже чашки кофе.

Три, пять, семь, одиннадцать – хорошие детки к Раю поднимутся.

Прошло одиннадцать лет, и я вернулся на следующий день после Рождества. Кто-то пытается мне этим что-то сказать?

Я вынимаю одну из сигарет Карлоса и закуриваю. Дым приятно заполняет легкие. Тело вновь кажется моим. Как будто моим. Я по-прежнему не уверен в окружающем меня мире.

Кто, черт побери, все эти люди на бульваре? Что они тут забыли в день после Рождества? Как мне слиться с этой толпой? В нескольких кварталах отсюда бар, а в нем хороший парень. Он просто делал свою работу. Но пока в его руке находился нож, я не мог думать ни о чем, кроме как о различных способах его убийства.

Меня поражает, насколько я оказался не готов к возвращению; насколько то, что имело значение в Нижнем Мире, здесь кажется странным, неправильным и смешным. Все навыки, которые я там развил, сводились в основном к тому, как заманивать и убивать врагов; а все магические средства, которые изучил или украл, – внезапно оказались слабыми и глупыми в этом ярком чужом месте. Я – обитые сталью ботинки в мире балетных тапочек.

Я докуриваю одну сигарету и тут же подкуриваю вторую. Этот мир намного громче и страннее, чем я его помнил. Но надо прекращать заполошно бегать внутри собственной головы. Пора приступить наконец к делу. «Долго думают только трусы!» – так любила говорить моя первая учительница. А может, это был Люцифер. От любителей читать нотации не скрыться даже в Аду.

Теперь следует сконцентрироваться на том, что по-настоящему важно. Например, на конкретных и безусловных планах по поимке и убийству – желательно самым бесчеловечным способом – шести подлых гадов, укравших мою жизнь. Или подумать о чем-то еще худшем.

Я даже слабею, когда вспоминаю о ней: о женщине, разумеется.

Ее зовут Элис. Она – единственное светлое пятно в моей жизни; единственный человек, на которого мне не плевать. Если бы Небеса что-нибудь значили, она должна была выйти замуж за какого-нибудь тощего гитариста и поддерживать в нем жизнь, перебиваясь на временных работах в этих люминесцентных высотках

вдоль Уилшира. Или могла взяться за ум, выскочить за дантиста, приобрести минивэн, наполнить его спиногрызами и растолстеть. Что тоже неплохо. Но ничего подобного не случится. С убитыми женщинами вообще редко случается что-то хорошее. За исключением того, что кого-то, возможно, взволнует, как они до такого докатились.

Интересно, если бы Элис была жива, она смогла бы меня узнать под всеми этими шрамами? Внутри «Бамбукового дома кукол», у входа, висело зеркало, но я не стал в него заглядывать. Продолжая идти по бульвару, я бросаю быстрый взгляд на свое отражение в мутном стекле мертвой витрины. Я стал тяжелее и крупнее, чем был, когда провалился в Ад. У меня выросли мышцы и рубцовая ткань, но по человеческим меркам я по-прежнему выгляжу худовато. Я еще могу узнать грубый контур своего лица, но теперь оно больше похоже на каменное изваяние, чем на живую плоть. Щеки и подбородок будто высечены из бетона, темные глаза похожи на блестящие мраморные шарики, губы – цвета грязного снега. Я словно зомби из фильмов Джорджа Ромеро, за исключением того, что никогда не умирал. Просто провел отпуск в стране мертвых. Неожиданно накатывает желание схватить за горло несуществующего мужа Элис и сжимать его, пока оно не лопнет, подобно воздушному шару.

От этой мысли я останавливаюсь и замираю на месте.

В первый раз мои фантазии об убийстве распространяются на кого-то вне Круга. Очень глупые и опасные мысли. Это то, что отвлекает меня от настоящей работы и, возможно, убьет. Тогда я вновь окажусь в Аду, и мне нечего будет предъявить в свое оправдание. Насмешки, которым я подвергнусь, будут вполне заслужены.

Это возвращает меня к вопросу на шестьдесят четыре тысячи долларов: почему Веритас повела меня именно таким путем? Не спорю, на знакомой территории оказаться интересно, но поразмышлять я мог и на погосте. Вот почему оно называется «погост». И уж точно мне не нужен был бармен, предлагающий работу и сигареты. С карманами, набитыми деньгами «Брэда Питта», я словно Богатенький Ричи[11 - «Богатенький Ричи» («Richie Rich») – американский кинофильм 1994 года с Маколеем Калкиным в главной роли.] с ножом за голенищем.

Итак, почему я здесь?

Я курю и иду по кварталу, в котором два открытых винных супермаркета, пустой букинистический магазин и мертвый магазин пластинок, а также навсегда закрытый секс-шоп. Пока я размышляю о том, какая х...ня могла случиться с городом, чтобы в нем больше нельзя было держать открытым магазин с порно и самотыками, внутри моего черепа зажигается свет, как в божественной пинбол-машине.

Ответ приходит сам собой. Я знаю, почему я здесь.

Семена маленькими ножками, ОН сворачивает с Голливудского бульвара на улицу Лас-Палмас, слегка углубляется в квартал и останавливается у здания с вывеской «Max Overdrive Video»[12 - «Видео в максимальном ускорении» (англ.)]. Перед входной дверью он вынужденно жонглирует с минуту – зажимая зубами пакет с пончиками и перемещая стакан с кофе из одной руки в другую. Затем исполняет легкий танец ягодницами, вытягивая из штанов ключи, и открывает дверь в магазин.

Я наблюдаю за ним с противоположной стороны улицы – просто чтобы убедиться, что мне это не мерещится. Когда он входит, оказавшись на свету, я успеваю рассмотреть его лицо.

Это Касабян – один из моих друзей, входивших в старый магический круг. Один из тех шестерых, которых я должен найти.

В конце концов Санта преподнес мне запоздалый подарок.

Магазин «Max Overdrive Video» занимает оба этажа старинного голливудского таунхауса. Такими домиками в сороковые и пятидесятые годы владели богатые господа в качестве мест для отдыха – в те времена этот район считался самой шикарной частью обитаемой вселенной. Касабян расхаживает внутри магазина так, будто это его собственность. Думается, следует зайти и расспросить его лично.

Сейчас полночь, и меня окружают жирные спелые тени. Я перехожу через улицу и выбираю самую пухлую темную тень рядом с рестораном здорового питания. Я оглядываюсь через плечо, чтобы удостовериться, что улица пуста. И только убедившись, что я здесь один, проскальзываю в тень.

Ключ щекочет внутри груди, когда я проникаю в Комнату Тринадцати Дверей.

Затем открываю Дверь Льда и тихо выхожу в тень на противоположной стороне.

Теперь я в дальнем конце магазина – в секции порно. Поскольку она погружена во мрак, я отлично вижу остальные помещения.

Справа от меня дверь в уборную для персонала, скрытая в задней части порноотдела. Сразу за этой секцией находится лестница, ведущая вверх. Аккуратные стеллажи с DVD и контейнеры с видеокассетами заполняют все остальное пространство магазина. Видно, что за одиннадцать минувших лет многое изменилось. Даже порно за спиной – все на дисках. Насколько я успел заметить, кассеты лежат небрежными кучами в контейнерах для распродажи. Формат VHS мертв. Следует это помнить, чтобы при общении с людьми не выглядеть как персонаж из «Деревенщины в Беверли-Хиллз». Надо бы присесть и составить список всего, что я пропустил. Если даже в барах больше нельзя курить, до каких еще жестокостей докатился этот мир?

Касабян впереди, за прилавком, считает дневную выручку. Пока меня не было, он утратил часть волос, но компенсировал их лишним весом. В общем-то, он всегда был немного пухловат, но теперь нажрал совсем странную фигуру. Нет, он не стал походить на тех парней, у которых растет большой живот и наливаются сиськи. Он всего лишь расширился горизонтально, будто воздушный шар, перекачанный воздухом. В каком-то смысле это даже восхищает. Его живот и подбородок будто бросили дерзкий вызов гравитации и сделали его похожим, скорее на снеговика Фрости[13 - Снеговик Фрости – герой популярной рождественской песни.], чем на Орсона Уэллса[14 - Джордж Орсон Уэллс (1915–1985) – американский режиссер, актер и сценарист. Наиболее знаменит радиопостановкой «Война миров» (1938) и художественным фильмом «Гражданин Кейн» (1941).].

Я медленно иду по главному проходу к стойке, попутно заглядывая во все углы, чтобы убедиться, что здесь больше никого нет. Погруженный в свои мысли Касабян хрустит калькулятором. На полпути к стойке я достаю из кармана пиджака электрошокер и прячу его за спину.

– Здорово, Кас. Давно не виделись.

Он вздрагивает и роняет на пол пачку выбитых чеков. Я останавливаюсь так, чтобы он меня видел, но не мог разглядеть лица из-за скудного освещения.

- Ты кто, бл...ь, такой? Проваливай из моего магазина. Мне не нужны неприятности.

- И это на следующий день после Рождества! Ты когда-нибудь в жизни брал выходной?

- Персонал сегодня отдыхает. Ты кто такой?

- Надеюсь, ты хорошо отметил Рождество? Поздравил с днем рожденья малютку Иисуса? Подобрал для него что-нибудь из Baby Gap?[15 - Baby Gap - детская линия одежды американского бренда Gap.]

- Чего тебе надо?

- Хочешь знать, как отметил Рождество я? Сначала отрубил башку монстру. Затем проделал то же самое с его хозяином.

- Тебе нужны деньги? Возьми. Правда, сегодня был паршивый денек, так что тебе, блин, не повезло. А рождественскую выручку я уже отнес в банк.

Насколько я знаю Касабяна, он всегда любил драматические эффекты. Поэтому я не могу удержаться, чтобы не поразить его выходкой в духе Винсента Прайса[16 - Винсент Леонард Прайс-младший (1911-1993) - американский актер, особо полюбившийся публике благодаря эффектным ролям в фильмах ужасов.].

- Мне не нужны твои деньги, Кас. Мне нужна твоя душа, - говорю я и выхожу на яркий свет, чтобы предстать перед ним во всей красе.

Это вызывает именно тот эффект, на который я рассчитывал. Рот его широко распахивается, но он не может выдать ни звука. Одна из рук поднимается, чтобы прикрыть раззявленное отверстие, как бы в попытке прервать беззвучный вопль. Выпучив глаза, он отступает на шаг от прилавка.

Простите меня – и Бог, и Люцифер, и все ваши ангелы, как верхние, так и нижние, – но это просто дико смешно. Это как съехать с американских горок.

– Захлопни пасть, Кас. Ты стал похож на надувную овцу из рекламы в порножурнале. – Я стою примерно в десяти футах[17 - Три метра.] от прилавка, позволяя ему вдоволь собой налюбоваться. – Помнишь, что ты подарил мне на Рождество? Правильно! На то самое, которое было одиннадцать лет назад. Я говорю об осуждении на вечные муки. От такого подарка избавиться непросто.

Он опускает руки вниз и хватается за прилавок, словно пьяный, пытающийся решить, как лучше падать – лицом вперед или спиной. Я покрепче берусь за электрошокер.

– Не переживай. Я знаю, что в этот раз для меня нет подарка. Но я приготовил кое-что охеренное для тебя, Кас. Давай, присядь на колени к Санте, и я тебе всё покажу.

Я делаю маленький шагок поближе к прилавку, а Касабян соответственно от него. И в этот момент он делает самое смешное, что можно себе представить: он поднимает одну руку и в ней оказывается револьвер – кольт»«Миротворец» сорок пятого калибра. Любимое оружие Уайетта Эрпа[18 - Уайетт Берри Стэпп Эрп (1848–1929) – страж закона и картежник времен освоения американского Запада, широко известный благодаря книгам и фильмам в жанре вестерн.]. Он всаживает мне в грудь и живот пять-шесть пуль, безнадежно портя такой, казалось бы, прекрасный момент.

Я падаю на колени, в глазах темнеет. Электрошокер валится за спиной на пол, вслед за ним оседаю и я. Легкие пытаются втянуть в себя воздух. Сердце напряженно бьется. Оба внутренних органа, кажется, изрядно озадачены случившимся. Смерть окутывает меня мягкостью и теплотой, как свежее пуховое одеяло, только что вынутое из сушки. Наконец сердце останавливается.

ЧТО-ТО СТРАННОЕ произошло со мной, когда я был в Нижнем Мире. Меня стало трудно убить. Оказавшись там, я стал первым и единственным живым человеком, ступившим в Ад. Я стал чем-то вроде циркового уродца. «Заплатите доллар и увидите Джимми – мальчика с собачьим лицом». Позже, когда им надоело лупить меня, разглядывать и выставлять напоказ, как породистого

пуделя, они решили, что будет забавно посмотреть на мою смерть. Они заставили меня драться на арене, и это постепенно переросло в довольно значимое мероприятие. Представьте себе Суперкубок, проводящийся каждую неделю-две.

Естественно, такое место, как Ад, и такая штука, как арена, не могут обойтись без жульничанья. Адские жители не любят проигрывать даже больше, чем люди. Почти перед каждым боем появлялся подкупленный тренер или прислужник с каким-нибудь хитрым маленьким подарком. То мне давали специальное оружие, то какие-нибудь адские снадобья. То шептали в уши дьявольские заклинания. Конечно, это помогало в какой-то степени, но не делало из меня Супермена. Меня резали ножом и кололи пиками. Меня сжигали. Однажды меня разорвал пополам гигантский краб, истекавший огнем и оравший мучительными голосами всех сожранных им душ. Мои ребра и череп истерались в кашу.

Но я не умирал.

Понятия не имею, что влияло – заклинания, снадобья, Царская водка или моя безупречная жизнь, – но я менялся. С каждым разом, когда я должен был умереть, но не умирал – я делался сильнее. Это означало, что следующая атака будет жестче, быстрее и безжалостней, чем предыдущая. Через некоторое время я стал с нетерпением ждать новых побоев. Они меняли меня, и каждое изменение означало приобретенный иммунитет к той или иной атаке. В конце концов я стал Грязным Гарри из плоти и костей, покрытый непробиваемой броней.

К тому времени, когда представители господствующего в Аду класса – в лице демонов старой школы и новопрославившихся извергов – решили, что подошла пора от меня избавиться, было уже слишком поздно. Я развился до такой степени, что стал заниматься более интересными делами, чем простые убийства на арене. Я начал подрабатывать в Аду в качестве киллера-фрилансера, а это значило, что я получил защиту от сил гораздо более темных, чем заурядные черти с хвостами и вилами.

Но, с другой стороны, до сегодняшнего дня в меня еще ни разу не стреляли.

– Старк? – услышал я голос Касабяна в миллионе миль от меня. – Это правда ты? – Он тихо и нервно хохотнул. – Мейсон обосрется!

Я выбрасываю левую руку в сторону, хватаю револьвер за еще теплый барабан и прижимаю его к полу. Жирный палец Касабяна застрял внутри спусковой скобы, поэтому толстяк опускается вслед за оружием. Тем временем моя правая рука ныряет внутрь сапога и вынимает оттуда черный костяной нож. Я слегка приподнимаюсь и описываю ножом плавную дугу. Голова Касабяна отделяется от шеи, падает на пол и откатывается в сторону, как тыква. Тело валится на пол.

Отрезанная голова Касабяна вопит из-под стойки со свежими диснеевскими фильмами:

- Господи Иисусе! Бл...ь, я мертв! - Это качественный вопль. В Нижнем Мире я стал своего рода знатоком по воплям, и этот, поверьте, один из самых лучших. - Я умер! Я умер!

Пошатываясь, я встаю на ноги, поднимаю за волосы визжащую дыню Касабяна, засовываю «Миротворца» в джинсы и хватаю освободившейся рукой лежащее тело за лодыжку. Если хотите избавиться от улик в такой ситуации, то прежде всего нужно утащить тело. Возможно, вы подумаете, что проще всего перебросить тело через плечо, как поступают пожарные, но поднимать безвольный организм - это все равно что бороться с двумя сотнями фунтов[19 - Больше 90 килограммов.] желе. Оно дергается, двигается и всячески отказывается оставаться там, где его поместили. Тащить тело по полу, конечно, медленнее, но не так изнурительно.

Я волоку Касабяна вверх по лестнице. Голова его по-прежнему вопит благим матом, а тяжелый торс бьется о ступеньки позади нас.

Весь второй этаж - одно большое помещение. Оно огромное, с хорошим большим окном на одной из стен, но практически без мебели. Здесь есть кровать, пара стульев, большой цветной принтер и стол, заваленный магнитофонами и DVD-резаками, - эдакий маленький видеопиратский заводик. Я бросаю тело у двери и ставлю голову на рабочий стол. Револьвер кидаю на кровать. Касабян продолжает визжать, как банши, что, в общем-то, недурно для парня, у которого больше нет легких.

Я подтягиваю стул и сажусь прямо перед ним. Выкопав сигареты из окровавленного теперь пиджака Брэда Питта, я закуриваю одну и выдыхаю в лицо Касабяна дым.

- Чуешь запах? Это значит, ты не умер.

Он прекращает орать и смотрит на меня. Затем замечает свое тело на полу и начинает вопить снова. Я медленно и глубоко затягиваюсь и еще раз выдуваю густое облако канцерогенного дыма ему в лицо.

Он замолкает и начинает наконец ко мне присматриваться.

- Старк? Ты же умер.

- Скажи мне, Кас, каково это - очнуться в самой ужаснейшей ситуации, какую можно себе представить? Правда, в отличие от меня тебе повезло - ты хотя бы знаешь, почему это случилось.

- Да пошел ты на х...й! Самым хитрым себя возомнил? Ты используешь магию. Скоро о том, что ты здесь, узнают все Саб Роза, включая Мейсона. А он тебя убьет!

Я фыркаю, имитируя звук неправильного ответа в игровом шоу.

- Плохая попытка, жирный. Этот нож не засоряет эфир и не оставляет магических следов. Он уникальный - чисто технология «стелс». Более того - он не убивает своих жертв, пока я ему не разрешу.

- Господи, что ты наделал!

- Господь отлучился по делам, Кас. Ты беседуешь со мной.

Он глядит на меня большими задумчивыми глазами:

- Я думал, ты умер. Когда ты исчез, мы все подумали, что ты умер. Неужели то, что сделал Мейсон, сработало?

- Я остался жив и провел одиннадцать лет в Аду. Так что да, сработало.

- Неужели ты сумел это вынести? Значит, Мейсон был прав...

– В смысле?

– Он сказал, что за всю жизнь встретил только одного по-настоящему великого прирожденного мага.

Наверное, мне это должно польстить.

– Похоже на Мейсона. В смысле звучит как комплимент. Но на самом деле он зовет меня великим только для того, чтобы самому выпендриться.

Я отворачиваюсь, делая вид, что проверяю комнату, но в действительности мне нехорошо. Места, куда попали пули, обожжены и кровоточат, и я почти уверен, что у меня сломано несколько ребер. Скорее всего к утру все заживет, но гулять сегодня мне уже не захочется. И уж, конечно, я не стану доставлять Касабьяну удовольствие тем, что покажу, как страдаю от боли.

– Видимо, это правда. Ты выжил среди демонов и вернулся обратно.

– Меня вернуло желание сломать тебе шею. Тебе и всем остальным.

Внутри начинает закипать застарелый гнев, но я не хочу терять над собой контроль. Это слишком сильно напугает Касабьяна, и тогда он станет бесполезным для допросов. Надо перевести дыхание. Я не смогу ничего планировать, если начну бегать и выть, как бешеный пес.

– К твоему сведению, я не пользовался магией в Нижнем Мире. Там наша магия выглядит как посмешище. Она ни хрена не работает. С таким же успехом ты можешь выкрикивать рецепты пирожных. – Чтобы успокоиться, я глубоко затягиваюсь сигаретой. – Я забыл почти все, что мы делали в Круге, но внизу освоил пару новых трюков. Это Адская магия. Каждый ее элемент будто специально создан для того, чтобы заставить тебя плакать.

– Ты убьешь меня?

– А ты разве не заметил, что я отрезал тебе голову? Если бы я хотел тебя сегодня убить, ты бы уже умер.

- Зачем ты пришел за мной? Из-за девушки?

- Пока что я не хочу о ней говорить.

Пока что я не могу о ней говорить.

- Чего тебе нужно, а?

- Мне нужны вы все. Все, кто помогал Мейсону сбросить меня вниз.

- Я ничего не делал.

- Верно. Ты просто был там. Ты знал, что произойдет, но стоял и ничего не делал.

- Мы не знали, что произойдет.

- Но ты был в курсе, что Мейсон собирается от меня избавиться.

Касабян пытается что-то сказать, но все время отводит глаза.

- Что он тебе обещал?

- Солнце и луну. Все мечты сбываются, если стоять в стороне и держать язык за зубами. От такого предложения было трудно отказаться.

- Поэтому ты согласился. А потом Мейсон тебя кинул, и ты оказался здесь. Вот ведь неожиданность! Так и быть, из всех членов Круга тебя я убью последним.

- Но почему?

Он хмурится так, будто мое нежелание убивать его первым оскорбило его чувства.

- Потому что ты жопоголовый. Ты третьесортный маг и второсортный человек. Мейсон и остальные допустили тебя к алтарю только по одной причине: ты -

балласт на всякий случай.

– Значит, ты собираешься найти остальных членов Круга и хочешь, чтобы я тебе помог?

– Я много чего хочу. Но могу начать и с этого. – Я слегка ерзаю на стуле, пытаюсь найти удобное положение, не травмирующее ребра. Получается не особо. – Так и где теперь тысяч крутые пацаны?

– Ты спятил? Ты представляешь, что они со мной сделают, если я тебе расскажу?

Находясь в Нижнем Мире, я многое узнал о том, что такое правильные угрозы. Раздуй их до гигантских размеров. Сделай их шокирующими. Никогда не обещай никому надрать задницу. Сообщи, что собираешься выдернуть язык, залить жидкий азот в глотку, вытащить внутренности ледорубом и засунуть их между стеклопакетами, превратив окно в аквариум. Но угрозами следует разбрасываться с осторожностью. Многие – как демоны, так и люди – совершенно не видят берегов, и угрозы порой приходится приводить в действие. Нечасто, конечно, но с такой вероятностью всегда приходится считаться.

– Хочешь знать, что я с тобой сделаю? – спрашиваю я тихим ровным голосом. – Видишь вон то туловище? Я утащу его в самую темную и глухую часть Гриффит-парка и оставлю на съедение койотам.

– Прошу, не надо!

– Тогда рассказывай. Где Мейсон?

Мейсон являлся лидером нашего магического круга, и он, подобно Капитану Кенгуру, сделал меня своим «Мистером Зеленые Джинсы»[20 - Капитан Кенгуру, Мистер Зеленые Джинсы – персонажи американского детского юмористического сериала «Капитан Кенгуру» (1955–1984).]. Мейсон был очень талантливым магом и никогда не упускал случая нам об этом напомнить. Практиковал он магию ради денег. По крайней мере, вел себя так, будто для него это главное. Но, по правде говоря, никто из нас не знал, чем он занимается вне Круга. Разве что, только Паркер. Они были близки. Паркер – типичный бандит с телосложением боксера и зачатками магических способностей, делающими его довольно опасным. В этом человеке Мейсон разглядел для себя хорошие возможности и превратил его в

своего домашнего питбуля. С тех пор руки Мейсона всегда оставались чистыми, поскольку Паркер с радостью проливал за него чужую кровь.

Кроме того, Мейсон взял за правило звать меня Джимми, поскольку мое полное имя – Джеймс. Никто никогда не называл меня «Джимми», я этого просто не допускал. Я всегда был Старком, оставляя личное имя для употребления в семье. Но Мейсон каким-то образом его узнал.

– Издеваешься? Неужто я похож на человека, который до сих пор общается с Мейсоном? Я впариваю порнуху и Шварценеггера недоумкам, – говорит Касабян. – Я даже не помню, видел ли его вообще с той ночи, и, признаюсь тебе, несказанно этому рад. С тех пор как тебя не стало, эти демоны – или кто там они? – зарядили его силой. Он теперь как Супермен. Нет, скорее как Халк. Он изменился прямо у нас на глазах. Кожа, кости... все тело стало очень странным. Он как бы светился, и под его кожей бегали мерзкие бугры.

– Похоже, они нашпиговали его небиро.

– Что такое небиро?

– Паразиты. Они живут за счет энергии того, в ком поселяются. Единственная причина, по которой носитель не умирает сразу, – в том, что небиро выделяют сверхъестественную энергию. Проще говоря – они срут магией. И эта магия поддерживает жизнь в хозяине, который питает своих паразитов. Демоны лопают эту мерзость, как попкорн. Не знал, что их используют и для людей.

– Что бы с ним ни произошло, но он уже не прежний Мейсон. Теперь он и Мейсон, и что-то еще. Теперь он ведет себя так, будто превратился в старшего брата Бога – в человека, который ворует деньги у Бога, угоняет его машину и трахает его девушку. Вот что такое теперь Мейсон. Он стал парнем, который не боится даже Бога. И он ушел, забрав Паркера с собой.

Я знаю, что он говорит мне правду. Таким же странным образом, как само собой возникшее в голове имя Карлос в «Бамбуковом доме кукол», я знаю, что Касабян говорит мне правду. Не очень здо?рово знать что-то и не понимать, каким образом оно попало в голову. Позже я обязательно с этим разберусь.

Я стряхиваю пепел с сигареты и засовываю ее в рот Касабяну. Он затягивается несколько раз и, кажется, немного успокаивается. Потом я кладу сигарету в пепельницу на столе. Не хочу докуривать то, к чему он прикасался.

- Ближайшие несколько дней у меня к тебе будет много вопросов. Возможно, недель. Сколько бы это ни заняло времени. Будь откровенен, ничего не скрывай, и я верну тебе твое тело.

- Торчать здесь и ждать, пока за мной придет Мейсон? Не сделка, а мечта.

- Поработай со мной, и он здесь не появится.

Глаза Касабяна становятся пустыми. Он будто смотрит вдаль – на что-то такое, что не вижу я.

- Да, ты прав, – говорит он. – Я жопоголовый. Все наши получили власть, деньги и легкую работу. А меня выкинули. Я потерял всё.

- Тогда у тебя есть свои основания желать расплаты.

- Ты думаешь, я не хотел отомстить? Но посмотри на меня! Мне даже пришлось украсть этот дурацкий магазин, чтобы зарабатывать на жизнь. А потом пришел мертвец и отрубил мне голову. Да уж, кто как не я может покончить с Мейсоном Феймом...

- Нет, это сделаю я. А ты мне поможешь советами.

- Говорю тебе, я не знаю, где он. Мейсон просто ушел. Он теперь как Кайзер Созе[21 - Кайзер Созе – персонаж художественного фильма «Подозрительные лица» («The Usual Suspects») 1995 г.: легендарный турецкий бандит, про которого все слышали, но никто не видел в глаза.].

- Как насчет остальных?

- Ты слишком многого требуешь, приятель.

– Нет. Я требую ровно столько, сколько мне причитается. – Я закуриваю еще одну сигарету, думая, как приступить к следующей части разговора. – Скажи мне Кас, скажи как на духу – кто убил Элис?

Глаза Касабяна мечутся туда-сюда в орбитах, будто ищут кнопку катапульты. Так выглядит паника. Я почти слышу учащенный стук его сердца. Но у него нет тела, хотя, возможно, он еще как-то связан с ним.

– Откуда ты знаешь? Ты был внизу все это время, как ты мог узнать?

– Рассказывай, Кас. Голодные койоты уже ждут.

Я смотрю в пол и не шевелюсь. Если сдвинусь, я взорвусь, как закаленное стекло. Не могу больше говорить о ней. Я поднимаю глаза и встречаюсь взглядом с Касабяном. Если бы у него было тело, он бы уже бежал, роняя кал.

– Я почти ничего не знаю. Это не та тема, о которой можно переброситься парой слов с Мейсоном или с кем-то еще. До меня только слухи доходили, как до всех остальных. Я слышал, что это сделал Паркер.

– По приказу Мейсона?

– Паркер ср...ть не сядет без разрешения Мейсона. Так что да – он мог сделать это только по его приказу.

– Но зачем? После стольких лет – зачем ему это понадобилось?

– Я не знаю, друг. Правда, не знаю!

Я смотрю в глаза Касабяна и понимаю, что он не врет. Я подхожу к нему, и он впадает в совершеннейшую панику. Тогда я медленно вынимаю тлеющую сигарету из пепельницы и даю ему покурить. Он испытывает такое облегчение, что чуть ли не плачет.

Моя Элис умерла, и я теперь один.

– Расскажи про свой магазин, – говорю я. – Сколько здесь сотрудников?

- Четыре или пять. Студенты из колледжа. Приходят и уходят. Персонал обновляется каждую сессию и каникулы. Здесь только у Аллегры есть мозги.

- Кто это?

- Местная администраторша. Сам я не люблю работать с клиентами.

- Она управляет заведением, а ты сидишь здесь и пиратишь фильмы...

- Иначе нам не выжить. Ты же и сам по-любому проделывал грязные трюки в Аду.

- Ты понятия не имеешь, что такое Ад, - отвечаю я. - Во сколько открываешься? Или это делает Аллегра?

- В десять. Да, открывает она.

За дверью, ведущей на лестницу, видна кладовая. Я открываю ее, прикрыв лестничную дверь. Там почти пусто, за исключением нескольких металлических стеллажей по пояс. Я затаскиваю тело в дальнюю часть кладовой, затем приношу голову Касабьяна и водружаю ее на полку одного из стеллажей.

- Я немного клаустрофоб, - говорит он.

Я осматриваю комнату. Нельзя оставлять дверь в кладовую открытой, поскольку сюда может кто-нибудь зайти. Здесь есть небольшая уборная, но вряд ли Касабьян сможет воспользоваться ею утром. На нижней полке одного из стеллажей стоит маленький портативный телевизор. Я втыкаю вилку в розетку и включаю его, подвигав старомодной уголкового антенной. По телевизору показывают местные новости. Я ставлю его перед лицом Касабьяна.

- Может, это облегчит твою боль.

Касабьян хмурится.:

- Ты настоящий мудака, Джимми.

– Но ведь раньше я таким не был, правда? – Я наполовину прикрываю дверь кладовой и останавливаюсь. – Еще раз назовешь меня «Джимми», и я заколочу дверь гвоздями. Будешь жаловаться на клаустрофобию, сидя пятьдесят лет в темноте.

Затем захлопываю дверь и закрываю ее на ключ.

Потом сажусь на кровать, мучаясь от боли. Кажется, я страшно устал. Сегодня был богатый на события день. Я приземлился без ничего и тут же приобрел отличный новый пиджак и полные карманы денег. А теперь у меня есть где переночевать и умыться. Настоящее исполнение американской мечты!

Я распрямляю спину, и в этот момент ко мне приходит еще одно озарение: похоже, я теперь в видеобизнесе. Черт, если подумать, у меня теперь даже есть работа.

Мне хочется сходить смыть кровь, высыхающую на животе и груди, но когда я делаю попытку встать, боль в сломанных ребрах превышает болевой порог и убеждает меня подождать до утра. Я стягиваю с себя пиджак «Брэда Питта» и осторожно ложусь на спину. Как только голова касается подушки, я отключаюсь.

У Элис были короткие темные волосы и почти черные глаза. У основания длинной шеи – татуировка в виде шипов розы. Она отличалась стройностью, и от этого руки и ноги казались нереально длинными. Мы встречались три или четыре недели. Однажды ночью, когда мы лежали с ней в постели, она ни с того ни с сего выпалила:

– Я умею колдовать. Хочешь, покажу?

– Конечно, – ответил я.

И она выпрыгнула из постели в чем мать родила. Свет от свечей и уличных фонарей скользил по ее телу, оттеняя мышцы под мягкой кожей и заставляя татушки на руках, спине и груди двигаться, подобно танцорам в каком-то зловещем бальном танце.

Затем она подошла к туалетному столику, взяла карандаш для век и нарисовала им над верхней губой закрученные усы. После чего вернулась в постель со шляпой-цилиндром и колодой карт, надела на себя шляпу и уселась на меня поверх одеяла.

- Выбери карту, - сказала она.

Я взял одну. Бубновый валет.

- Теперь засовывай в колоду куда хочешь. Мне не показывай.

Она даже закрыла глаза и отвернулась для убедительности.

- Карта в колоде, чародейка, - сказал я.

Она провела над колодой рукой, пробормотала какую-то выдуманную магическую тарабарщину и распустила колоду веером по моему животу.

- Твоя? - спросила она, поднимая одну из карт.

Бубновый валет.

- Совершенно верно, - ответил я. - Обалдеть можно.

- Хочешь, покажу, как я это сделала?

- Колдовство?

Она переворачивает все карты, и я вижу, что в колоде пятьдесят два одинаковых бубновых валета.

- Это не настоящая магия, - говорю я.

- Я тебя одурачила.

- Мошенница! Ты отвлекла меня.

– Я обладаю способностью затуманивать мужские умы.

– Вот тут не поспоришь.

Она проскользнула под одеяло в шляпе и усах, и мы занялись любовью. Шляпа в процессе слетела, но усы продержались до утра.

На следующую ночь после ее карточного фокуса я рассказал Элис о магии. Я сказал, что она реальна и я сам являюсь магом. К тому времени я ей нравился уже так, что она не стала вызывать санитаров из дурдома. Тем не менее посмотрела она на меня с таким выражением, словно я признался в том, что являюсь королем грибных эльфов. Тогда я отщипнул пламя от одной из зажженных ею свечей, и оно сплясало у меня на кончиках пальцев. Затем поколдовал над старыми журналами, грязными рубашками и рекламными листовками из китайского ресторана, собрал из них фигурку женщины и заставил ее расхаживать по квартире походкой фотомодели. Потом научил соседского воющего кота говорить по-русски, а татушки Элис двигаться по коже, как мини-фильмы.

Элис пришла в полный восторг.

– Еще! Еще! – кричала она, как ребенок.

Она относилась к этому совершенно несерьезно. Любой другой человек, которому я когда-либо показывал возможности магии, неизменно задавал один и тот же вопрос – как это можно использовать, чтобы разбогатеть? Давай займемся манипуляциями на фондовом рынке. Давай сделаемся невидимыми и ограбим банк. Давай прикроемся чарами, чтобы полиция нас не увидела.

Элис все это было не нужно. Я показал ей волшебство, и этого было достаточно. Она далеко не сразу задумалась о том, что от магии может выйти какая-то польза. Она полюбила саму магию, а это значит, что она сможет полюбить и меня – человека, который вряд ли сможет сделать ее богатой. Мы познакомились недавно, и пока что она была не вполне во мне уверена. Но это не важно. Я уже влюбился в нее процентов на девяносто и мог ждать хоть до бесконечности, когда чувство станет полностью взаимным.

На это ушла всего пара дней.

Она появилась у моей двери с «волшебной коробочкой» из захудалого магазина в Чайна-тауне.

– Теперь я тоже великая волшебница, – сказала она.

– Покажи.

«Волшебная коробочка» оказалась размером с пару спичечных коробков. Она подняла крышечку. Средний палец Элис лежал внутри коробки, на ложе из окровавленной ваты. Палец пошевелился. Потом застыл. Затем она подняла руку, и отрубленный палец показал мне «фак». Пожалуй, тупее прикола, чем этот, выдумать просто невозможно. Конечно, ничего она себе не отреза?ла. Она просто просунула палец в отверстие на дне коробки, в которой уже лежала вата, политая кровью. Дешевейший из самых дешевых трюков.

Я поцеловал ее и впустил внутрь. Мы никогда не говорили о ее переезде ко мне. Она просто вошла и больше не уходила, понимая, что должна находиться тут.

Позже, когда мы лежали с Элис в постели – немного пьяные после празднования нашего первого месяца, – я рассказал ей, что мне приснился сон. Будто мы ехали куда-то и по дороге заскочили в маленькую безымянную закусочную. Там она сказала официантке, что мы направляемся в Вегас, чтобы пожениться у двойника Элвиса, и показала всем свое обручальное кольцо. Но вместо кольца на ее пальце была надета «волшебная коробочка». Когда я закончил свой рассказ, она слегка укусила меня за руку.

– Вот видишь? – сказала она. – Я же говорила, что я волшебница.

Я РЕЗКО ПРОСЫПАЮСЬ от звука хлопнувшей внизу двери. И сажусь, радуясь, что боль в ребрах прошла. Однако приятное чувство быстро проходит, когда я понимаю, что комната выглядит как скотобойня в конце рабочего дня. Окровавленные пиджак и рубашка валяются там, где я их бросил. Сам я покрыт засохшей кровью, изрядную часть которой во сне ухитрился размазать по постели в виде пятна Роршаха[22 - Чернильная фигура в виде кляксы,

используемая в психодиагностическом Тесте Роршаха. Служит стимулом для свободных ассоциаций.].

Я бросаю пиджак и рубашку на грязную простыню, сдергиваю ее с кровати и кладу на пол. В уборной приходится истратить бо?льшую часть бумажных полотенец, чтобы стереть с себя всю засохшую кровь. Пулевые отверстия превратились в черные рубцы, окруженные синяками психоделичных сине-фиолетовых оттенков. Поворачивая тело вправо, я чувствую пули сорок пятого калибра, колышущиеся внутри, как зефирки в желе. Рано или поздно придется их вытаскивать, но пока на это нет времени.

Мокрые бумажные полотенца я бросаю на простыню с окровавленной одеждой. В маленьком шкафчике под раковиной нахожу рулон черных пластиковых мешков для мусора. Отрываю один и запихиваю в него кровавые остатки от вчерашней веселой «кадрили».

Потом до меня доходит, что проблемы на этом не закончились. Я только что выбросил половину своей одежды. Теперь мне нечего надеть, кроме чиненых-перечиненых ботинок и обгоревших джинсов, которые уже почти начали расходиться по швам. Секунду я размышляю, не снять ли рубашку с тела Касабьяна, но это слишком отвратительно даже для меня. Кроме того, если я открою дверь кладовой, он снова начнет орать.

Я начинаю метаться по комнате и открывать одну коробку за другой в надежде найти что-нибудь забытое каким-нибудь студентом из колледжа. Наконец я срываю «джекпот» – под столом стоит целая коробка с фирменными футболками магазина. Футболки черные, с надписью «Max Overdrive Video», написанной белыми буквами на спине. Спереди – фальшивый бейджик магазина со словом «Привет!». Теперь меня зовут Макс. Как мило.

С минуту я стою у двери и прислушиваюсь к Аллегре, расхаживающей у лестницы. Я почти вижу ее своим внутренним взором. Она молода, заспана и недовольна тем, что приходится открывать магазин сразу после Рождества. Чувствуется, что у нее есть мозги, а в них что-то такое, что ее беспокоит. То, о чем она старается не думать, пока поправляет полки и пересчитывает деньги в кассе. Я открываю потихоньку дверь и начинаю спускаться вниз по лестнице, затем останавливаюсь и поднимаюсь обратно, поскольку вспоминаю, что на полу валяются револьвер и шокер «Брэда Питта». Я засовываю их под матрас, потом спускаюсь вниз.

Аллегра стоит у двери, освещенная светом из окна. Она выглядит не намного старше, чем был я, когда меня унесло в «Страну Оз». Возможно, ей уже можно употреблять спиртное. А может, и нет. Косметики не много. Вокруг глаз чернота. Блеск на губах. Она худая, с темноватой кожей цвета кофе с молоком. Будь голова бритой, ее можно было бы принять за младшую сестру Фокси Браун[23 - Фокси Браун (род. в 1980 г.) – чернокожая американская рэп-исполнительница, актриса и модель.]. Пальто и юбка явно из секонд-хенда, но ботинки выглядят дорого. В целом – девочка из художественного училища, которая точно знает, чего хочет.

Я снимаю цепочку, закрывающую вход на лестницу, и выхожу в зал.

– Доброе утро. А вы, должно быть, Аллегра?

Она вскидывает голову и смотрит на меня:

– Кто вы такой? Где мистер Касабян?

– Касабяну пришлось покинуть город. Какие-то семейные проблемы. Я его старый друг и присмотрю за этим местом в его отсутствие.

Наверное, не стоило этого говорить. Аллегра начинает злиться. Она пытается скрыть свои чувства за маской удивления, но получается плохо.

– Неужели? – переспрашивает она. – Вы раньше управляли видеомагазином?

– Нет.

– А вообще – работали в торговле?

Я подхожу и, облокотившись о стойку, украдкой осматриваю пол на наличие крови. Всего лишь несколько капель. Как правило, я не истекаю кровью слишком долго. Похоже, одежда «Брэда Питта» впитала большую часть того, что из меня вытекло.

– Позвольте объясниться. Когда я сказал, что присмотрю за этим местом, я не имел в виду, что собираюсь им управлять. Большую часть времени я буду или отсутствовать, или работать наверху.

– Ясно... – отвечает она еще холоднее, чем прежде.

Она прекрасно знает, чем занимался Касабян, и ни в коем случае этого не одобряет. Девушка из Лос-Анджелеса, обладающая совестью. Они встречаются так же редко, как единороги.

– Ни во что не вмешиваться – любимый стиль управления мистера Касабяна. Вы отлично его замените.

Ее сердце бьется чаще, зрачки расширяются. Какого черта я все это замечаю?

Она хмурится, смотрит вниз, затем на меня:

– Только не говорите ему об этом.

– Ваших секретов я не выдам никому.

Ее дыхание замедляется. Она успокаивается, но не намного.

– Могу я задать вопрос?

– Конечно.

– Что, черт возьми, случилось с вашей одеждой?

– Ах да... Пережил небольшую аварию, когда приехал в город, – отвечаю я, застенчиво улыбаясь.

Моя улыбка очень нравилась девушкам, когда я был молод и не так непригляден. Общаясь с милой человеческой девушкой, с которой я, возможно, стал бы флиртовать в прошлой жизни, я на секунду забыл о том, что больше не молод и не красив.

Осознав это, я стараюсь придать лицу более – как я надеюсь – нейтральное выражение.

– Возможно, придется прикупить что-нибудь новое. Как считаете?

– Не утруждайтесь. Я слышала, палёное нынче в моде.

Она скрещивает руки на груди и смотрит на меня с вызовом.

– Я Старк.

– Старк. Всего одно имя? Как у Мадонны?

– Или у Шер...

– Ну, хорошо, мистер Старк.

– Старк. Не надо «мистера». Просто Старк.

– Ну, хорошо, «Просто Старк». Раз такое дело, я увольняюсь. Я могла бы управлять этим магазином даже во сне, но мистер Касабян, очевидно, не вполне мне доверяет, раз прислал присматривать какого-то, простите, бандита. Нет уж, бл...ь, спасибо!

– Меньше всего мне хочется присматривать за тобой. По правде говоря, мне просто негде остановиться, и Касабян разрешил ночевать на втором этаже. «Присматривать» я буду чисто формально. Насколько я понимаю, главной остаешься ты. Управляй магазином, как хочешь.

– Вы по-прежнему похожи на человека, которого мне, наверно, знать не следует.

– Как скажешь.

Я делаю шаг к ней, ожидая, что она отшатнется. Но она стоит как вкопанная. Нервная, но храбрая. Она мне уже нравится.

– Слушай, бандиту было бы наплевать на всех, кроме себя. А я... обычно забочусь о своих друзьях.

В голове моей вспыхивает лицо Элис, безжалостно напоминая, насколько пустым могут быть такие обещания. Благие намерения как десять центов – не стоят ни черта в этом гребаном мире. Я толкаю Элис обратно во тьму.

– Останься, и я гарантирую – ты будешь работать в самом безопасном видеомагазине Лос-Андже?леса.

– Ну, ничего себе! Теперь мне действительно стало страшно.

– К тому же, сколько бы ни платил тебе Касабян, я дам прибавку в пятьдесят процентов.

В этот раз мне удастся ее заинтересовать.

– Вы это правда можете?

– Здесь нет никого, кто бы мне запретил. Полагаю, пока я здесь вместо босса, я могу платить своим людям столько, сколько захочу.

– А когда вернется мистер Касабян?

– Понятия не имею. Сама понимаешь, семейные проблемы – штука непредсказуемая. Наверняка займут какое-то время.

Она кивает, смотрит вниз, затем на меня:

– Ладно, я останусь. Пока.

Аллилуйя!

– Спасибо, Аллегра.

– Не за что, «Просто Старк».

Я ЖДУ ЦЕЛЫЙ час на втором этаже, пока магазин наполнится покупателями, зашедшими в обеденный перерыв. Я решаю проверить, как там Касабян, только когда внизу становится достаточно шумно, – чтобы подстраховаться на тот случай, если ему снова захочется покричать.

Он все на той же полке, где я его оставил. Но, увидев меня, кричать он не стал. Только застонал:

– Ради всего святого, всади мне пулю в голову или переключи этот чертов канал!

На экране идет дневное ток-шоу. Стареющий ведущий в костюме и крашеная блондинка беседуют то о какой-то актрисе, о которой я никогда не слышал, то о лапшерезке, способной изменить жизнь каждому.

– Пожалуйста, выключи эту херню!

– Ну не знаю, по-моему, лапшерезка действительно офигенная.

– Иди на х...й!

– У тебя есть машина?

Он смотрит в телевизор, игнорируя мой вопрос. Я протягиваю руку и выключаю звук.

– Ключи в правом кармане, – говорит он.

Я переворачиваю его коматозное тело набок, чтобы дотянуться до кармана. Вот они!

– Что за машина?

– Верни мне тело.

– Где Мейсон?

– Не знаю.

– Я тебе не верю.

– Уж поверь: если бы я знал, как отправить тебя к Мейсону, то сделал бы это не задумываясь. Я бы с удовольствием глянул, как он отрывает тебе яйца.

Я снова включаю ток-шоу и закрываю дверь кладовой. Изнутри доносятся приглушенные ругательства.

Я беру мусорный пакет с окровавленной одеждой и простыней и спускаюсь по лестнице в магазин. За прилавком Аллегра и незнакомый студент. Они плотно заняты покупателями. За порносекцией расположен маленький склад, а в нем – запасной выход на улицу. Я вытаскиваю костяной нож и пытаюсь проделать трюк, который сработал в Аду, – засовываю острие клинка в замок, толкаю его внутрь и поворачиваю. Замок щелкает и открывается.

За магазином короткий переулок с несколькими мусорными контейнерами. Я бросаю пакет в один из них и иду на улицу.

На улице хорошо. Солнечно, но еще не жарко. Сегодня я чувствую себя более человечным и освоившимся. Я простой обычный парень, который вышел погулять с револьвером сорок пятого калибра, заправленным в штаны. Вчера вечером я пересчитал деньги «Брэда Питта», и получилось двадцать две сотни. Так что теперь я уверен, что смогу добыть все, что мне нужно.

Я иду по улице и жму кнопку на брелке. Прекрасное настроение мигом улетучивается, когда машина Касабяна, наконец, пикает. Белый «Шевроле Авео» с мятым багажником. Белые американские автомобили покупают только компании, сдающие машины в аренду, а значит, «Шевроле» Касабяна не просто говно, а говно с чудовищным пробегом. Но кто более жалок: парень, который водит подержанный кусок дерьма, или тот, кому приходится его угонять?

ВСЕ-ТАКИ СТРАННО начинать с нуля. Такой старт меняет масштаб амбиций. Вместо фантазий о том, какой особняк ты купишь, когда выиграешь в лотерею, ты начинаешь задаваться вопросами, есть ли у тебя носки? Есть ли зубная щетка? Есть ли рубашка, не заляпанная кровью?

Деньги – это тоже очень странно, если вы давно ими не пользовались. В Аду в основном работает экономика обмена. Среди самых высших и могущественных покупка за деньги вообще считается страшным социальным позором. Если вы покупаете за деньги – это значит, у вас нет ничего ценного, что можно предложить другим, или вы недостаточно умны, чтобы найти свой путь к исполнению заветных желаний.

Поначалу деньги «Брэда Питта» казались целым состоянием, но бо?льшую их часть я спустил за пару часов.

Много денег ушло на несколько особенных вещей: во-первых, ботинки Caterpillar со стальными носами, поскольку сталь – это всегда хорошо. Во-вторых, длинное легкое пальто. Все-таки не зря во всех старых фильмах шпионы и частные детективы носят длинные пальто или плащи. Они достаточно просторны, чтобы прятать под ними множество греховных предметов – особенно заряженных пулями. Я подбираю себе длинное угольно-серое шелковое пальто в восточно-голливудском бутике для мальчиков по вызову. Материал тяжелее шелка в Лос-Анджелесе будет выглядеть нелепо, а носить черное пальто – все равно что выдавать себя за уволившегося музыканта группы «Баухаус»[24 - «Баухаус» («Bauhaus») – британский музыкальный коллектив (1978–2008), признанный одним из основателей и наиболее ярких представителей готик-рока.].

Немного дальше по Мелроуз-авеню я вижу пафосные кофейни, в которых любят собираться выпендрожники из кинобизнеса и бездельники-байкеры, живущие на шее у богатых родителей. Латте и бургеры в таких заведениях стоят дороже подтяжки лица. Перед кофейнями выстроился длинный сияющий ряд «Харлеев» за 40 тысяч долларов каждый, которые никогда не видели ни пылинки, ни всплеска грязи. Как бы ни были эти клоуны противны моему «быдлацкому» самосознанию, но не могу не выделить одну приятную черту: они выбирают для себя самые мощные мотоциклы из возможных.

В байкерском магазине, больше похожем на музей, я приобретаю кожаные гоночные штаны и армированную куртку для мотокросса. После того как меня

подстрелили и чуть не оглушили электрошокером, мне нравится идея оградить себя от мира слоем кевлара. Кроме того, я подбираю кевларовую рубашку – своего рода кольчужку с длинными рукавами и вшитыми бронепластинами. Надеюсь, если я надену все это под пальто, то не стану выглядеть как робот-терминатор в шелковом халатике.

Я обуваю новые ботинки, надеваю штаны и куртку для мотокросса в одной из примерочных кабинок и, выйдя из магазина, швыряю обгоревшую одежду в мусорный бак. Думается, я избавился почти ото всего, что оставалось. В смысле от последних материальных вещей, которые связывали меня с предыдущей жизнью. Осталась только футболка с принтом «Germs» – вся в крови и продырявленная пулями, – которую я засунул под матрас в магазине Касабяна. Наверное, следовало выкинуть ее, как все остальное, но это был подарок Элис. Так что пусть она побудет со мной, пока я не развалюсь и не сгорю навсегда.

Кольт я оставил в припаркованном «Авео» – под водительским сиденьем. Вернувшись к машине, я вытаскиваю револьвер, кладу его в сумку с новым плащом и бросаю ключи от «Авео» на сиденье. Может, его найдет какой-нибудь отчаянный подросток, любящий угонять машины, или бездомные, нуждающиеся в ночлеге. Я тащу сумки вниз по Мелроуз с намерением подобрать себе другой автомобиль.

Есть только один способ угнать машину и не чувствовать себя виноватым: следует выбирать самую дорогую. В этом случае вы будете точно знать, что она застрахована на максимально возможную сумму. Поэтому, что бы с ней ни случилось, владелец никогда не останется внакладе. Я выбираю черный «шестисотый» «Мерседес», подхожу к нему со стороны водительской двери, вонзаю в замок костяной нож, прикрыв своим телом, и задерживаю дыхание. Машина пикает один раз, и дверь разблокируется. Я проскальзываю внутрь с сумками, втыкаю нож в замок зажигания, и двигатель начинает урчать. После этого я внимательно смотрю в окна и зеркала. Никто не обращает на меня ни малейшего внимания. Я давлю на газ, и выезжаю на «Мерседесе» на полуденную улицу.

ЗДАНИЕ ПОХОЖЕ на сфинкса – вечное и неизменное. Оно именно такое, каким я его запомнил. Такие же кованые решетки на окнах первого этажа. За стеклами окон второго этажа, армированными провололочной сеткой, видны пыльные занавески и рваные шторы. Окно управляющего зданием легко отличить от

других: с него свисают обрывки букв из «сусального золота», из которых когда-то было сложено название охранной фирмы. Вместо занавесок окно управляющего наглухо заклеено фольгой. Всегда было интересно, чем он там занимается, что так отчаянно боится впустить солнечный свет. Когда-нибудь придется это выяснить.

Наблюдая за зданием, я успеваю выкурить три сигареты. Ничего необычного или хотя бы интересного не происходит. Проезжают машины. Бредет мимо какая-то старуха, волоча за собой пару усталых на вид джек-рассел-терьеров.

Не уверен, что это мудро – заходить сюда прямо посреди бела дня, но никаких демонических вибраций от этого места не исходит. Я отстегиваю Веритас от цепи и быстро подбрасываю внутри машины. Следует идти или нет? Монета падает утренней звездой вверх. Надпись на адском языке по гурту монеты гласит: «Возвращайся и поговори с хорошей девушкой». Как мило. Моя магическая монета занялась сводничеством. Я, конечно, ценю такую заботу, но время не ждет. Я вылезая из машины, спрятав револьвер под куртку, и быстро перебегаю через улицу.

Парадная дверь, как обычно, заперта, но боковая – у разгрузочного пандуса – широко раскрыта. Справа от входа – грузовой лифт. Я опускаю верхний стопор, блокирующий деревянные челюсти лифта, и бью кулаком по кнопке третьего этажа. Лифт дергается и начинает подниматься.

Я мог остаться на той стороне улицы и войти сюда сквозь тень. Сквозь тень я мог бы проникнуть прямо в свою квартиру. Да х...й-то там. Это мой дом. И я войду через дверь.

Лифт останавливается на третьем этаже. Я открываю двери, бегу направо по центральному коридору, затем сворачиваю налево. Моя квартира в самом конце. Как раз достаточно, чтобы как следует разогнаться. Дверь прежняя – из твердой стали, крепко сидящая на двух тяжелых металлических петлях. Я еще не думал, как буду ее открывать, но помню, что теперь я немного сильнее, чем был раньше. Подбегая к двери, я делаю несколько широких размашистых шагов, подпрыгиваю и бью пяткой в дверь. Она проваливается с хрустом, ржавый механизм замка улетает внутрь, бешено вращаясь, как металлический фрисби. Кольт уже в руке, готовый к употреблению.

– Наконец-то, – говорит двухсотлетний француз, сидящий в мягком кресле. – Бл...ь, как долго ты сюда шел.

ОН ПРИПОДНИМАЕТСЯ в потрепанном зеленом низком кресле. Он немного выше, чем я его помнил, и немного тяжелее, но у него та же борода цвета соли с перцем и коротко стриженные волосы. Тот же впечатляющий римский нос и темные глаза, которые с равным успехом могли принадлежать и любимому дядюшке в рождественское утро, и разъяренному уголовнику, готовому просверлить ваш лоб электродрелью.

Я просто смотрю на него. Когда-то мне нравился его акцент. Он даже «бля» произносит как «блѐ». Но, с другой стороны, из топ-десять людей, которых я ни за что не ожидал здесь увидеть, он уверенно входит в первую пятерку. Я замираю на месте, не двигаясь ни влево, ни вправо, ориентируя туловище так, чтобы, если понадобится, выскочить за дверь без раздумий.

– Видок? Ты что здесь делаешь?

– Вот как ты встречаешь друга после стольких лет? – спрашивает он, кладя на пол потрепанную книгу, которую читал. – Я ждал тебя, охранял твой дом. Думаешь, мне очень нравится сидеть в этой бетонной заднице?

Я поднимаю револьвер и прицеливаюсь ему в голову.

– Как мы познакомились, старик?

– О, так ты думаешь, что это не я? Тебе кажется, что это ловушка. Что ж, на твоём месте я бы засомневался не меньше.

Он салютует бокалом, наполненным до краев вином – такого насыщенно-красного цвета, что кажется черным.

– Мы случайно столкнулись в салуне. Которого уже нет. «Кровавый Меридиан». Это было до того, как ты познакомился с милой Элис. Мы оба оказались в баре и оба положили глаз на одну и ту же симпатичную девушку, с которой пытались флиртовать. Ни у кого из нас не было достаточно долларов, поэтому пришлось

слегка навести чары на бармена, чтобы он терял память и за те же деньги наливал снова и снова. Как только мы осознали, что делаем одно и то же, то мгновенно забыли про девушку и остаток ночи провели за разговорами о том, кто мы, что умеем и кого знаем, расплачиваясь с несчастным барменом одними и теми же монетами.

- Не многое потеряли, насколько я помню. Девушка была симпатичной, но слишком пьяной.

- Как и мы, собственно. Наше внезапное равнодушие ее оскорбило.

- В следующей жизни куплю ей выпивку и буду беседовать с ней до утра.

- В следующей жизни...

Пистолет вдруг стал тяжелым в моей руке. Я его опускаю. Видок – на голову выше, чем я, и вдвое шире – подходит и давит меня в долгих медвежьих объятьях.

- Рад тебя видеть, парень, – говорит он.

Как и этот дом, Видок ничуть не изменился. Он выглядит на сорок пять, но на самом деле такой старый, что может рассказать вам, какой звук издавали гильотины, рубившие головы аристократам во времена Французской революции.

Я оглядываю комнату. В ней все выглядит неправильно. Где мои вещи? И где вещи Элис?

- Ты давно здесь живешь? Где всё? – спрашиваю я.

- Элис съехала через несколько месяцев после твоего исчезновения. Все твои вещи и то, что она забыла, я сложил в спальне.

- Куда она переехала?

- К подруге в Эко-парк. Именно там и произошли те ужасные события.

– Ее убил Мейсон. Можешь говорить об этом прямо. – Я чувствую себя глупо, но не могу не спросить: – Это точно была подруга... а не друг?

– Нет, именно подруга, – отвечает он. – Элис встречалась с парнями после того, как тебя не стало, но это было не всерьез. Ты разбил ей сердце. Она была особенной.

Я подхожу к стойке, которая отделяет гостиную от кухни. Заварник выглядит знакомым, но это всё. Кроме того, я не вполне уверен насчет чайника на плите.

– Ты проверял, как она живет?

– Насколько это было возможно. Она не хотела видеть никого из прежней жизни. И особенно тех, кто как-то связан с магией.

Да, на нее это похоже. Ей не нравился ни Мейсон, ни кто-либо другой из Круга. После моего исчезновения она не могла не захотеть сбежать от магии подальше. Но не убежала достаточно далеко. Надо было сказать ей, чтобы она уезжала из города, если со мной что-то случится. Надо было придумать план побега. Но что могло случиться? Я был золотым мальчиком. Был пуленепробиваемым.

– Спасибо за попытку, – говорю я. – И спасибо, что сохранил это место. Даже не знаю, что бы я делал, если бы зашел и обнаружил здесь незнакомого мне мудака.

Видок берет бутылку красного вина с кофейного столика, приносит с кухни бокал для меня и наполняет до краев. Доливает свой бокал, поднимает его, и мы чокаемся. Я присаживаюсь на диван.

– Ну, и как ты поживаешь? Чем занимался, пока меня не было?

– Работал в основном. Работа теперь – это все, что у меня есть, – говорит он. – Она помогает мне постичь Божественный замысел, к тому же кражи нужны для приобретения инструментов. Знаешь, воровство в чем-то похоже на алхимию. Мы пытаемся отыскать скрытую красоту и сделать ее своей.

– Забавно. Сколько я тебя знаю, ты нигде не жил дольше нескольких недель. Не могу представить тебя в роли парня, который добросовестно платит за коммуналку и электричество.

– Обижаешь? За такой сарай я не стал бы платить и пенни. Я придумал использовать старое цыганское зелье – *a vin de memoire manquee*[25 - Вино дырявой памяти (фр.)]. Покрасил им стены, окна, пол и потолок, *et voila!*[26 - И вот! (фр.)] Твоего дома больше не существует. Его не видит и не помнит никто, за исключением, конечно, таких же ухарей, как мы. Из Саб Роза[27 - *Sub rosa* (Под розой) – латинское крылатое выражение, соответствующее русским «тайно», «втайне», «по секрету»].

Саб Роза. Про это понятие я не вспоминал очень давно.

Видок – Саб Роза. Так же как Касабян, Мейсон и все остальные члены Круга. Я тоже Саб Роза, хотя в те времена не думал о себе в таком ключе. Возможно, несколько тысяч подобных нам бродят сейчас по Южной Калифорнии.

Саб Роза – это люди с тайной. Они выглядят как вы, но на самом деле совсем другие. Они держат деньги в одном с вами банке. Они стоят за вами в очереди в кафе. Они кланчат у вас деньги, которые вы – совершенно неожиданно и необъяснимо для себя – вкладываете в их грязные руки. Некоторые из нас умеют общаться с мертвыми. Другие видят будущее, обмениваются душами, как бейсбольными карточками, или подкупают ангелов, чтобы быть в курсе Божественных планов. Саб Роза – это те, о которых обычным людям лучше не знать. И не потому, что вы нам не нравитесь. Дело в том, что у вас есть привычка сжигать нас на кострах, если вы вдруг узнаете о нашем существовании.

Алхимические припасы Видока и инструменты для взлома занимают практически все пространство: стеллажи с зельями, книги и свитки на латыни и греческом, перегонные кубы, пробирки, точильные камни. На столе в углу валяются украденные попутно безделушки: нэцке, алмазы, вытащенные из тайников контрабандистов, паспорта и компьютерные диски.

Однажды неудачный эксперимент привел к тому, что Видок стал бессмертным. Последние сто пятьдесят лет он крадет исключительно для того, чтобы обеспечить исследования, которые помогут ему победить этот недуг.

– Спасибо, что присмотрел за домом... и я рад, что он теперь твой, – говорю я. – Все равно не смог бы находиться здесь без Элис.

Он понимающе кивает:

– Где будешь жить?

– Уже нашел приют у друга. Там есть ванная, удобная постель и куча фильмов на любой вкус. Тебе стоит зайти как-нибудь в гости.

– Звучит соблазнительно.

– Знаешь, я ведь вернулся, чтобы кое-кого убить, – признаюсь я, стараясь как можно скорее подобрать нужные слова. – Точнее говоря, собираюсь уничтожить сразу весь магический Круг.

– Я увидел это сразу, как только ты вошел. Я хорошо тебя понимаю и даже не буду пытаться отговаривать. Но, прежде чем ты начнешь, есть вещи, о которых стоит узнать.

Можно сказать, только теперь начинается Настоящая Беседа. Пока Видок подливает вина, я закуриваю сигарету.

– Много лет назад я сделал нечто подобное тому, что ты задумал. Задолго до того, как родился не только ты, но и твои бабушки с дедушками. Месть никогда не получается так, как ты хочешь. В ней нет ни радости, ни торжества, и, когда все заканчивается, твое горе только усиливается. Проделав то, о чем мы говорим, человек меняется навсегда и никогда больше не сможет стать прежним. Хуже всего, что независимо от того, сколько врагов ты убьешь, ты никогда не насытишься. Всегда найдется кто-то еще, кто этого заслуживает. Когда убивать станет слишком легко, ты уже не сможешь остановиться.

– Ты же остановился...

– Но желание убивать осталось. Даже теперь, когда все причастные мертвы – как убитые моей рукой, так и те, кто умер сам за те долгие годы, в течение которых я себя сдерживал. Хуже того, когда все закончилось, мне пришлось

покинуть Париж, сесть на корабль и приплыть сюда – в страну чизбургеров и ковбоев. Друг мой, ты вступаешь на очень скользкий путь.

– Я ценю твой совет. И не переживай, я здесь не для того, чтобы просить тебя о помощи.

– Не говори ерунды. Я обязательно тебе помогу. Мы всегда должны помогать друзьям, даже когда они совершают глупости. Особенно когда они совершают глупости.

– Спасибо тебе, старик.

– Салют! – отвечает он и приподнимает свой стакан. Мы чокаемся.

Докурив сигарету, я вынимаю нож, который опробовал на Касабьяне, и под кофейным столиком выдергиваю несколько досок из пола. Клеенчатый сверток с оружием моего отца все еще там. Я вытаскиваю его и раскладываю на столе содержимое – один предмет за другим: отличная копия кольца «Нэви» образца 1861 года, расточенная под современный патрон сорок четвертого калибра; тяжелый револьвер «Ле Ма» эпохи Гражданской войны; полуавтоматический «браунинг» сорок пятого калибра, из которого стрелял мой дедушка в День Д[28 - День высадки англо-американских войск в Нормандии 6 июня 1944 г.]. А также дробовик «Бенелли М3». Все это надо как следует почистить, прежде чем использовать.

Что-то проскакивает в голове Видока. Я успеваю поймать лишь фрагмент, прежде чем он отталкивает это прочь. Я испытываю ощущение, похожее на приступ мигрени – словно в мозг за глазами вонзили нож.

– В чем дело? – спрашивает Видок.

– С моей головой стало происходить что-то странное. Я чувствую и слышу то, что не должен чувствовать и слышать. Например, что прямо сейчас ты потеешь, и твое сердцебиение растет.

– Ты вернулся из Ада и, рассказывая о будущих убийствах, вытаскиваешь из-под пола оружие. Разве я не должен немного взволноваться?

– Это еще не все. Я стал как бы... смертестойким. В меня можно стрелять, резать на части, измельчать в миксере, а я просто встану и уйду. Сам не понимаю, что со мной происходит.

– Ты падаешь в Бездну молодым магом и вылезает оттуда Суперменом. Как такое возможно?

– Из нас двоих только ты читал кучу книг. Вот и объясни.

– Возможно, как и я, ты проклят неспособностью умереть.

– То, что случилось с тобой, – не проклятие. Не знаю, почему ты так решил. Кстати, раз уж на то пошло – эти Адские демонические у...бки вполне могли усилить мои способности к убийствам, чтобы я поскорее к ним вернулся.

– А может, это простая биология. Ты первый живой человек, которого угораздило оказаться в Аду. Твое состояние могло стать естественной биологической реакцией. Побочный эффект от пребывания в запредельно ужасном месте. Ты должен быть благодарен новому дару, который только усилит твои магические способности.

– Мне это не нравится. Это значит, есть нечто такое, что я не контролирую. Что вполне может оказаться подставой. В Нижнем Мире ничего не делалось ради моей пользы.

– Со временем узнаем. Полагаю, твои друзья из Ада скоро за тобой явятся?

– Обязательно, но не сразу. Сейчас внизу кипит война. Там п...дец, какой хаос.

– Повезло тебе.

– Не то слово.

Я беру на кухне полотенце, иду с ним в гостиную и начинаю оттирать от пыли каждый ствол. Несмотря на то что оружие лежало в смазке, кое-где стала проступать ржавчина. Надо будет потом почистить его по-настоящему.

- Ну и каково было в Аду? Ты пытался оттуда сбежать? Ты же всегда был грамотным магом.

- Даже от грамотного мага толку там не много. Я окреп, но так и не смог осуществить ни одного простейшего заклинания. Поэтому стал учиться у демонов.

- Так вот как ты оттуда ушел...

- Нет. Я был собственностью Азазеля - одного из генералов Люцифера. Он сделал из меня наемного убийцу. Он сказал, что с Элис все будет в порядке, пока я ему служу.

- А потом с ней стало не все в порядке.

- Сложно сказать, как я узнал об этом, но я узнал. Видимо, это сродни моей новой способности слышать и чувствовать. - Я отпил вина. - Прежде чем уйти, я вырезал Азазелю сердце и оставил его на алтаре.

- И как ты выбрался?

- Ключ. Ключ к любой точке Вселенной, в которую мне хотелось бы попасть.

- Он у тебя с собой?

- Прямо здесь. - Я кладу руку на сердце, будто собираюсь произнести Клятву верности. - Над сердцем. Я взял нож Азазеля, вскрыл себе грудь и вложил ключ внутрь. Теперь я могу пройти сквозь тени в Комнату Тринадцати Дверей. Могу уйти, куда захочу, в любое время. Хоть обратно в Ад. Или даже в Рай. Не знаю. Я еще не открывал все тринадцать дверей.

- Ты вложил ключ внутрь себя? Ключ, который сделан с помощью адской магии? Он же тебя отравит.

- Меня травило все, что происходило со мной в эти одиннадцать лет. Думаешь, один маленький ключик способен что-то ухудшить?

- Все равно это нехорошо, Джимми.

- Прошу, не зови меня так. У меня больше нет имени.

- Значит, ты все еще их боишься. Боишься, что они найдут тебя по твоему имени?

- Не найдут, если никто не будет произносить его вслух.

- Твое имя - это часть тебя. Как семья. То, что соединяет тебя с этим миром. Нельзя просто так от него избавиться. - Он делает большой глоток вина и добавляет: - Дикий Билл.

- А вот про это вообще никогда не говори!

Видок - один из немногих, кто знает, что зовут меня Джеймс Батлер Хикок Старк. Это практически имя Дикого Билла Хикока, за исключением приставки «Старк». Я научился стрелять и ценить оружие с молодости, поскольку считается, что мы прямые потомки Дикого Билла - величайшего стрелка американского Запада. «Старк» прикрепилось позже - после того как степные поселения в прериях превратились в настоящие города, - чтобы хоть как-то отвадить идиотов, мечтающих прикоснуться к прапраправнуку легендарного человека. Или того хуже. На почве этого родства в моей жизни случилось немало драк и даже несколько перестрелок. Самое смешное, что никто не знает точно, действительно ли мы приходим от Дикого Билла. Предполагают, что он оставил после себя нескольких маленьких ублюдков в Канзасе и Миссури, так что такое вполне возможно. Хотя это может быть и простой байкой. Наша семья никогда не позволяла фактам портить красивую историю.

- Дикий Билл давно помер. Я - просто Старк.

- Но это твоя семья, твоя личность. Ты не можешь просто взять и отказаться от имени.

- Могу и отказываюсь. Мне надо найти Мейсона. Благодаря ему я обрел Адскую мощь и теперь должен вернуть должок. Ты не знаешь, где он?

– Никто больше не видит мсье Фейма. Подобно Богу, он теперь – великая тайна. Что будешь делать, если его найдешь?

– Убью.

– А потом? – Видок ставит бокал на стол и складывает пальцы «домиком». – То, что ты задумал, может оказаться невозможным. Мейсон сейчас очень влиятельный человек. Он очень хорошо защищен.

– Я одолел множество прекрасно защищенных демонов. Попутно усвоив несколько полезных уроков. Знаешь, какой был первый?

– Расскажи.

Я поднимаю с кофейного столика маленький пузырек с ртутью и, встряхнув его, смотрю на тусклый блеск серебристой поверхности.

– Здесь, в американском Городе Ангелов[29 - Имеется в виду Лос-Анджелес.] маги беспокоятся о добре и зле. Так сказать, белая магия против черной.

– Все маги думают об этих различиях.

– Но только не в Нижнем Мире. Демоны понимают то, чего не понимаем мы. Нет никакой белой магии. И черной магии тоже нет. Есть просто магия. Заклинанием исцеления убить не менее просто, чем проклятием. Например, случись у тебя сейчас приступ, и я смогу заклинанием замедлить тебе сердце, чтобы не дать ему выскочить из груди. Могу отрегулировать давление – повысить его или понизить. И ровно то же самое могу проделать, когда приступа нет, – с совершенно иными результатами. Начну понижать тебе давление, и ты потеряешь сознание. Замедлю и остановлю сердце. После чего ты умрешь так же успешно, как если бы я тебя проклял.

– Ты уже не в Аду, парень. Люди обо всем узнают. Здесь совсем другие правила.

– Но не для меня. Я даже не знаю, смогут ли здесь «прочитать» мою магию. Потревожит ли она эфир.

Видок поднимает бокал и ставит его с глухим стуком на стол. Затем говорит громко:

– Тогда почему бы тебе ее не использовать? Найди Мейсона прямо сейчас – с помощью заклинания локации.

Я опускаю пузырек с ртутью и оглядываю знакомую и одновременно незнакомую мне комнату.

– Не могу. Я не знаю, что при этом произойдет. Магия может вообще не сработать или рвануть, как фейерверк на Суперкубке. Я не хочу, чтобы кто-то узнал, что я вернулся.

Видок улыбается и грозит мне пальцем:

– Выходит, ты приобрел могущество, но воспользоваться им не можешь? Это немного смешно, ты не находишь?

– У меня есть оружие.

– О да, ты перестреляешь всех Саб Роза из пистолетов. Как гребаный Рой Роджерс[30 - Рой Роджерс (1911–1998) – американский актер и певец, снявшийся в 90 фильмах и более 100 телесериалах, практически всегда выступая в амплуа благородного ковбоя.].

Я размышляю об этом с минуту.

– Я кое-чем пользовался на Адской арене. Надо собрать спецоружие. Мне нужен мастер по работе с металлом.

– Позволь мне помочь тебе, – говорит Видок с нажимом. – Позволь помочь твоему плану не зайти слишком далеко. Я понимаю, что ты вернулся в le Merdier – мир, полный дерьма, но куда тебе еще идти? Ты должен жить здесь. У тебя должно быть имя. Ты должен снова превратиться в человека.

Помните старую нравоучительную сказку про то, что человек, слишком долго сражающийся с драконами, рискует сам превратиться в дракона? Эта фраза

крутилась в моей голове годами – достаточно долго, чтобы я успел решить для себя: гораздо лучше быть драконом, чем овцой на закланье. Возможно, в более доброй, более мягкой версии мира я мог бы выйти из Круга, постичь Дзен и простить всех за то, что они со мной сделали. Но я все равно не смог бы простить их за Элис. За такое прощать нельзя. Может, я и не стою того, чтобы из-за меня убивали, но она – совсем другое дело.

– Нужно идти. Надо встретиться кое с кем, – обманываю я.

Я кладу оружие обратно в клеенку и заворачиваю. Мне немного стыдно, будто я в чем-то подвел старика. Избегая его взгляда, я спрашиваю:

– Хочешь, встретимся завтра?

– Конечно.

Я выхожу за дверь как можно быстрее, чтобы он не успел опять заключить меня в свои французские медвежьи объятия.

Я ВЕДУ «Мерседес» на запад – к другому месту города, от которого мурашки бегут по коже не меньше, чем от моей старой квартиры.

Я сворачиваю с бульвара Сансет на бульвар Лорел-Каньон. Переход от Голливуда к Беверли-Хиллз всегда внезапен и поразителен, как щелчок выключателя. Коптящие автобусы и маникюрные салоны в стрип-моллах[31 - Стрип-молл – длинное одноэтажное здание (обычно вдоль автотрасс), разделенное на секции, в которых размещаются магазины.] сменяются на аккуратные подстриженные зеленые газоны и величественные дома. Это не та часть Беверли-Хиллз, в которой проживают кинозвезды, а более старая. Дома здесь большие, но не раздутые до размеров разукрашенных айсбергов. Они выглядят как жилища уважающих себя взрослых людей.

Миновав пересечение с Малхолланд-драйв, я сворачиваю направо – в лабиринт улиц, названных «Донья». Донья Изабелла, Донья Марта, Донья Сарита. Найдя нужную Донью, я паркую машину и размышляю с минуту. Следовало предвидеть нечто подобное. Слишком легко мне все удается. Я думал, встреча с «Брэдом

Питтом» ознаменовала недоброе возвращение в этот мир. Но я ошибся. Недобрый знак – это то, что я вижу сейчас.

Покинуть машину совершенно незачем, но я все равно из нее выбираюсь, перехожу улицу и оказываюсь на пустыре, на котором когда-то стоял дом Мейсона – и где когда-то собирался наш магический Круг. Пустующая земля выглядит испорченной и совершенно неуместной посреди великолепного ландшафта. Она как старлетка, сверкнувшая гнилыми зубами за улыбкой в миллион долларов. Из песчаной почвы торчит высокий бурьян. Здесь же вбита выцветшая табличка с названием компании-застройщика и надписью «Скоро!». В целом место выглядит так, будто сюда уже много лет не ступала нога человека.

Солнце садится быстро. Поднимается ветер, и меня начинает знобить. Я понимаю, что это лишь мои личные ощущения. В Лос-Анджелесе не бывает холодно даже на Рождество, но знание об этом не мешает моим зубам стучать.

Неотвратимо наступает ночь. Я иду обратно к «Мерседесу», сажусь в него и закуриваю одну из последних сигарет, оставшихся в пачке Карлоса. Затягиваясь, гляжу на пустырь и пытаюсь понять, что здесь произошло. Непохоже, что дом сгорел. Насколько я помню, здешний район построен на скальных породах, поэтому от землетрясения рухнуть он не мог. Дом как будто просто исчез. Я понимаю, что надо пройтись по пустырю и поискать хоть что-нибудь, указывающее на Мейсона и остальных. Но не сегодня. В воспоминаниях ожил резкий запах дерьма и серы, который я вдохнул в тот день, когда меня тащили из подвального этажа в Ад. Я остаюсь сидеть в машине наедине со своими мыслями. Докурив последнюю сигарету, я щелчком выстреливаю «бычок» в сторону одной из ухоженных лужаек и завожу двигатель.

Я БРОСАЮ «Мерседес» в нескольких кварталах от «Max Overdrive Video». В другое время я бы начал переживать, что пришлось оставить великолепную машину, но Лос-Анджелес – это фактически автомобильный «шведский стол», у которого, имея такой замечательный нож, как у меня, просто невозможно остаться голодным.

Я хватаю клеенчатый тюк с оружием, сумку с одеждой и иду к магазину. Дверь закрыта, но я стучу по стеклу, и Аллегра меня впускает.

- Хренассе, - говорит она. - Шикарно выглядите.

- Спасибо.

Приятно получить комплимент от человеческой женщины. За одиннадцать прошедших лет несколько редких добрых слов пришлось услышать только от демонов, которые выглядели так, будто их только что стошнило змеей.

- Вы потеряли ключ?

- Забыл про него. Давно не пользовался.

- Где же вы жили, если не пользовались ключами?

Она смотрит на библикающее нечто у себя в руке. Оно выглядит так, будто пульт от телевизора трахнул маленькую пишущую машинку, и от их союза родилось ублюдочное отродье. Она печатает что-то на крошечной клавиатурке большими пальцами и улыбается.

- С чем это ты играешься?

- Вы никогда такого не видели? Это блэкберри[32 - Блэкберри - здесь: смартфон с механической клавиатурой.].

- Что-то вроде телефона? Но ты на нем печатаешь?

- Уже закончила. Кажется, вы пролежали в коме с семидесятых. Нет. Вы были похищены инопланетянами.

- Ты меня раскрыла. Клаату барада никто[33 - Кодовая фраза инопланетянина из американского фантастического фильма «День, когда Земля остановилась» 1951 г.].

- Это из «День, когда Земля остановилась», верно? С детства люблю это кино.

- Я тоже. Так и зачем ты печатаешь на своем блэкберри-устройстве?

– Просто блэкберри. Как вы «Просто Старк». – Она разворачивает свой приборчик, чтобы я мог разглядеть его получше. – Вы можете говорить по нему или обмениваться текстовыми сообщениями. Это как электронная почта, только мгновенно. Вы же слышали про электронную почту?

– Конечно. Но зачем вообще печатать? Можно же просто позвонить.

– Переписываться иногда веселее. Или как сейчас – если надо сообщить кому-то адрес, то надежнее послать его в письменном виде.

– А что на экране?

– Карта Гугл. Я посмотрела в ней адрес, чтобы Мишель не заблудилась. – Она щелкает кнопкой, и изображение на маленьком экране меняется. – Видите, вы просто заходите в Сеть и вводите адрес.

– В этой штуке есть Интернет? Если бы у меня был свой Интернет, я мог бы найти в нем всякое, да? Имена, места, исторические факты?

– Во-первых, Интернет не может быть «своим». Это Паутина, она никому не принадлежит. Вы просто ею пользуетесь. И да – вы можете найти все, что захотите.

– И я тоже могу завести себе такое устройство?

Она смотрит на меня так, будто я действительно провел десять лет с марсианами:

– Ну разумеется. Просто надо разобраться, какое вам больше подойдет.

Она печатает еще несколько слов в блэкберри и прячет его в карман пальто.

– Спасибо, – говорю я.

– Не за что. Я уйду на встречу с друзьями. Закроете за мной дверь?

– Конечно. Приятного вечера.

– До завтра.

«Давно не пользовался ключами». Как можно было такое ляпнуть? По одному ее взгляду стало сразу понятно: она считает меня или наглухо шизанутым, или только что откинувшимся уголовником. Хоть бы она не заинтересовалась тем, что я сделал с Касабяном. Кроме того, ей наверняка интересно, что же такое завернуто у меня в грязную клеенку. Придется начать запирает дверь на втором этаже. А потом что-то делать с ее подозрениями, но я пока не понимаю что и, честно говоря, не хочу сегодня об этом думать. Я тащу сумки и сверток наверх и бросаю на кровать. Завтра пойду выбирать себе блэкберри. Наличие Интернета, Паутины или чего там еще поможет догнать этот мир и не производить впечатление недавно приземлившегося марсианина.

Я подхожу к кладовке Касабяна и открываю дверь.

– Здравствуй, солнышко. Как спалось?

По телевизору идет рекламное шоу. Какой-то парень в поварском халате размахивает кухонной утварью.

– Ты когда-нибудь видел такие ножи? Пожалуй, возьму себе набор. Он только что резал ими жестяные банки и кирпичи.

– Когда начну питаться кирпичами, одолжу у тебя один. Появились какие-нибудь мысли в связи со вчерашним нашим разговором? Например, о том, где можно найти старых друзей?

Касабян не смотрит на меня, взгляд его прикован к телевизору.

– Представляешь, они никогда не ржавеют. Их даже точить не нужно. Они потрясающие. Почти волшебные.

– Сейчас ты не в том положении, чтобы выё...ваться.

Наконец он поднимает на меня глаза:

– Неужели? А вот мне кажется, я сейчас именно в том положении, когда могу, блин, делать все, что захочу. Хочешь убить меня? Давай! Моя жизнь никогда не была идеальной, но теперь у меня даже такой нет.

– Я все равно не верну тебе тело. Может, когда-нибудь, но точно не сейчас.

Он снова смотрит в телевизор:

– Уже познакомился с Аллегрой? Студентка-недотрога со сладкой узенькой щелкой. Не то чтобы я ее уже трахал, но Новый Год не за горами. Думаю взять шампанского, пару таблеток рогипнола[34 - Рогипнол – медицинский препарат седативного действия, приобретший печальную известность как «наркотик для изнасилований», поскольку его употребление в комбинации с алкоголем вызывает провалы в памяти.] и увидеть наконец природный цвет ее волос.

– Независимо от того, что ты там напридумывал, тебя только стошнит на собственные ботинки.

– Вообще-то у меня больше нет ног, мудило, – отвечает он, кивая на собственное тело. – Ой, я немножечко обидел серийного убийцу? Прошу прощения. Кого-то убил сегодня? Обезглавил кого-нибудь из старых друзей?

Узнаю такое поведение – открытое неповиновение, воспетое фильмами категории «Б». Я пытался так же вести себя в Аду. Трудно напугать того, кто думает, что ему больше нечего терять. Хитрость заключается в том, чтобы напомнить, что всегда есть что терять. Например, семью или друзей. Продемонстрировать будущие потери такому подонку, как Касабян, будет совершенно несложно.

Я беру его револьвер с кровати, заворачиваю в полотенце, взятое из ванной, и делаю три выстрела в направлении обезглавленного тела.

– Бл...ь, ты рехнулся? – кричит он. – Оно мне еще нужно!

– Всё целиком? Вообще-то у тебя два колена, две почки... Органов хватит с запасом.

– Бл...ь, мудака ты ё...ный!

– Будешь отвечать на вопросы? Или хочешь, чтобы я продолжил играть в Вильгельма Телля?

– Знаешь, почему Мейсону было так легко продать тебя, а остальным – пофиг?

– Почему?

– Да потому, что ты х...йло! – Он поднимает брови и смотрит на меня, ожидая реакции. Но я остаюсь совершенно спокойным. – Там, в Круге, ты был как Христос: всего лишь малолетний хулиган, но с непонятно откуда взявшейся силой. Ты был сильнее любого из нас, включая Мейсона. Но тебя это как-то заботило? Нет, черт возьми! Тебе все давалось легко. Другим приходилось пахать до одури, чтобы научиться делать самые простые заклинания. А ты даже не пытался притворяться, что изучаешь книги. Ты просто импровизировал что-то на ходу, и из твоей жопы вылетали ангелы! Ты не представляешь, как это нас бесило.

– Значит, вы отправили меня в Ад, потому что я оскорбил ваши чувства?

– Нет, потому что ты навредил Мейсону. Ты никогда не умел рассчитывать свои силы.

– Если я и доставил Мейсону неприятности, то только потому, что он их заслужил. Речь всегда заходила о том, что он собирается стать великим черным магом. Он не хотел учиться у магии. Не хотел даже получать от нее удовольствие. Он хотел стать гребаным Лексом Лютором[35 - Александр Джозеф (Лекс) Лютор – вымышленный персонаж, заклятый враг Супермена.]. Впрочем, я бы не причинил ему страданий, если бы знал, какой он нежный тепличный цветочек.

– Вот видишь! Ты до сих пор не угомонился. Потому-то Мейсон тебя и наказал – за всю херню, что ты натворил, и за твое показное волшебство! Ты мог лепить магию из воздуха, но настоящая сила в итоге досталась ему. А ты одиннадцать лет прокувыркался с демонами. Каждый вечер перед сном я вспоминаю выражение твоего лица в тот момент, когда они волокли твою жопу в Ад.

Не целясь, я делаю еще пару выстрелов в направлении тела.

- Прекрати! Перестань, черт тебя дери! Что ты хочешь узнать?

- То же, о чем говорил вчера. Где остальные члены Круга? - Я швыряю револьвер на кровать. Боже, как хочется курить! - Попробуем зайти с другой стороны. Если ты здесь, то где Джейн-Энн?

Если бы у Дональда Трампа и Злой Бастинды родился совместный ребенок, то это была бы Джейн-Энн. Внешне она похожа на библиотекаршу с деньгами и хорошим вкусом к одежде, но под костюмом от Версачи скрывается Годзилла с титьками. В магии она не настолько могущественна, как Мейсон, но гораздо сосредоточенней и безжалостней его. По-своему она страшней даже бешеного пса Паркера.

- Я не знаю. Слышал, у нее какой-то бизнес, связанный с кино.

- А как насчет Черри Мун?

Расколоти педофильскую пиньяту, и оттуда вместо конфет вывалится Черри Мун. Стервозная кукла, из той породы девушек, которые отнеслись к манге и аниме слишком серьезно. Они все мечтают вырасти в Сэйлор Мун, но только Черри использует для этого магические способности. Последний раз, когда я ее видел, она была одета под готическую Лолиту и излучала животный секс, но при этом выглядела как двенадцатилетняя нимфетка.

- Про нее я тоже ничего не знаю. Слышал, работает в каком-то спа-салоне или в пластической хирургии для богатых уродов.

- Рад узнать, что все используют свои новые возможности для таких достойных целей.

- Нам нужно питаться. Не то чтобы прямо сейчас, я в общем смысле...

- А где Ти Джей?

Услышав это имя, он закатывает глаза.

- Ё...анный хиппи. После того как тебя схватили Таящиеся, он несколько дней рыдал, как маленькая девчонка. Некоторые люди не созданы для реальной жизни.

«Таящиеся» - это скрытные магические или мистические уродцы, которых Саб Роза не считают за своих. Например, наяды - это Таящиеся. Или зомби с оборотнями. А вот полицейские под прикрытием хоть и скрытны и иногда уродцы, но не Таящиеся. Они просто гниды.

- Так и где он?

- Жрет землю на Вудлонском кладбище. Маленький педик повесился через неделю после того, как ты покинул нас. Наверное, не смог выкинуть монстров из своей головы.

Бедный глупый ребенок. Ти Джей был даже моложе меня. Тогда ему было примерно шестнадцать или семнадцать. Но в одном Касабян прав: некоторым людям не стоит видеть темную сторону магии или иметь дело с грязной стороной жизни. Ти Джей так и не смог влиться в нашу маленькую волчью стаю. В каком-то смысле я даже рад тому, что он ушел. На него охотиться мне бы совсем не хотелось.

- О Мейсоне и Паркере мы, кажется, уже поговорили. Мейсон исчез и прихватил Паркера с собой. Я правильно понял?

- Ага. И больше не спрашивай меня о них, потому что я ничего не знаю. Иногда Паркера видят в городе. Обычно сразу после этого обнаруживают какого-нибудь любознательного мага со сломанной шеей.

Мысль о том, что где-то бродит злобный пес Паркер на пару с косящим под Дарта Вейдера Мейсоном, чья башка набита Адскими заклинаниями, совсем не вдохновляет. К тому же эти двое могут отсиживаться где угодно - от Глендейла до Бутана.

- Ты уже посещал наш старый дом? Прелестно, не правда ли?

- Что с ним случилось?

- Не знаю. Может, Мейсон его забрал. Нашел внутри что-нибудь полезное?

- Внутри чего? Дома больше нет. Что там можно найти?

- Ах ты, хитрый сукин сын. Подвал-то никуда не делся. Ты же по-любому туда лазил. - Касабян смотрит на меня подозрительным взглядом. - Ты что, вправду подъехал и тут же свалил? Крутой парень, ничего не скажешь...

Красота. Теперь я должен зарыться, как лесной сурок, в подвал Мейсона - именно туда, где он провел обряд, переместивший меня в Нижний Мир. Ничего плохого этот план, кажется, не сулит...

Я разворачиваюсь, чтобы уйти, но Касабян кричит мне:

- Эй, сволочь! Я выложил тебе информацию. Дай хотя бы покурить.

- У меня кончились, поэтому страдать сегодня будем оба. Завтра притащу чего-нибудь.

Я выхожу из кладовой и перед тем, как закрыть дверь, говорю:

- Кстати, чуть не забыл. Я случайно припарковал твою машину в двухчасовой зоне и испугался, что ты получишь большой штраф. Поэтому решил избавиться от нее насовсем.

- Ты... что?

- Сладких снов!

Я СИЖУ на краю кровати и мечтаю о сигарете, но не могу заставить себя подняться и пойти искать магазин, который еще работает. От пуль, застрявших в груди, довольно больно - словно в меня стреляли совсем недавно. Думаю, какая-то из них царапает ребро. Я встаю и начинаю обыскивать комнату, открывая шкафы и роюсь в куче пустых коробок из-под DVD. Наконец на дне коробки, заполненной порнухой с обдолбанными девками (даже думать не хочу,

откуда он это взял), я обнаруживаю дешевую безымянную водку в пластиковой бутылке с завинчивающейся крышкой. В старших классах мы называли такое пойло «Адским дождем» в честь старого фильма ужасов. Теперь это кажется забавным, учитывая дальнейшие обстоятельства моей жизни. Я отвинчиваю крышку и делаю глоток. Водка обжигает пищевод. На вкус она как смесь «незамерзайки» с аккумуляторной кислотой.

Трудно в это поверить, но какая-то крошечная смешная частичка меня испытывает сострадание даже к такой свинье, как Касабян. Сначала провести полжизни, пресмыкаясь перед более умными и талантливыми магами, а потом оказаться выкинутым ими на улицу, как использованная малолетка, – такое действительно может ранить душу. Это как окончательное подтверждение самого худшего страха – о том, что ты действительно тот неудачник, которым всегда боялся стать.

Я же, с точки зрения Касабяна, был самым настоящим х...йлом – тут он не преувеличил. Пока он боролся в поте лица с какой-нибудь детской левитацией, а Мейсон навязчиво демонстрировал всем освоенное им заклинание одушевления или огненный взрыв, я торил свой путь в магии с такой же оскорбительной легкостью, с какой добивался всего остального.

Магия всегда давалась мне легко. На свой пятый день рождения я поднял нашего кота под потолок и сбросил на Тиффани Браун – рыжую девчонку, в которую был тогда влюблен. Тиффани шутки не поняла, и на этом мой первый роман закончился.

В двенадцать лет на уроке изобразительных искусств учитель дал нам задание слепить животных из глины. Я быстро выжал из мягкой массы нескольких маленьких жирных птичек, заставил их облететь комнату и вылететь в окно. После этого меня отстранили от занятий на неделю, хотя никто не мог толком объяснить за что.

Тогда я даже не понимал, что занимаюсь магией. Я просто умел делать всякие забавные штуки и смешить ими одноклассников.

Родители никогда не говорили об этом, но они знали, на что я способен. Заболев, я становился опасен. Я бил окна одним взглядом. Если меня лихорадило, то подо мной загоралась простыня. Я узнал, что у моих способностей есть название,

когда отец подарил мне старую, обтянутую кожей книгу, озаглавленную «Краткая история и обзор магических искусств». Прочитав ее, я сразу понял, кто я такой. Не чародей и не волшебник – это все диснеевские штучки. Я – маг. Несколько лет спустя я узнал, что есть другие маги, и некоторые из них пригласили меня в свой тесный Круг. А потом попытались убить.

Я сижу на кровати Касабяна, пью его мерзкую водку и представляю себе Джейн-Энн, Черри, Паркера и Мейсона сидящими высоко над городом в одном из тех домов, что нависают над склоном холма на тонких паучьих лапах, дерзко бросая вызов землетрясениям. Каждый из них уверен, что выживет. Даже без магии выживет, потому что в этом и заключается их величайший талант. И скоро они окажутся на другом холме и будут смотреть на нас оттуда, как на неудачников. Они сильны, а мы слабы. Потому что мы никогда не решимся на то, что делали они, когда лезли на вершину.

И конечно же, они правы. Мы не будем ползать по дерьму, костям и трупам. В их понимании мы действительно слабые, как бы нам ни хотелось представить себя такими же хладнокровными, твердыми и решительными, как они.

С другой стороны, было бы забавно однажды ночью забраться на холм и привязать динамит к паучьим лапам, на которых стоят их дома. Мы бы скакали по крышам, как дети, скатывающиеся на санках с горы, а их яркие, конфетного цвета особняки рушились бы в море.

После разговора с Касабяном и от пуль в груди заснуть сегодня будет непросто. Водка Касабяна довольно ядовита, но она хотя бы приглушит шум в моей голове.

Отчалив наконец в алкогольную страну грез, я снова попадаю в Ад и лежу на грязном полу арены. Живот мой разрезан, и я пытаюсь удержать руками внутренности. Поверженный зверь, с которым я сражался, – похожее на быка серебристое животное с дюжиной острых, как бритва, рогов – лежит немного поодаль. Они всегда заставляли меня драться со странными животными. Долгое время я не подозревал, что это очередное Адское оскорбление. Они сделали из меня Бестиария. Это древнеримский термин, означающий веселый способ применения самых убогих, тупых и косоглазых бойцов. Бестиарии были слишком слабы, чтобы сражаться с людьми, поэтому их заставляли драться с животными. Зачем ставить толкового гладиатора против балбеса, который скорее воткнет меч себе в ногу, чем сумеет заколоть противника? Кроме того, всегда весело наблюдать, как медведи едят дураков. Правда, до поры.

Пара демонов – рабов арены – закатывают меня на носилки и уносят за кулисы. В бойцовской казарме меня встречает старый иссохший демон – тренер гладиаторов. Он подходит ко мне шаркающей походкой и вкладывает в руку бутылку с Царской водкой. Это скорая медицинская помощь в Аду. Госпиталь в бутылке. Немного позже тот же самый демон приходит с иглой и ниткой из шерсти оборотня и заштопывает мне тело.

Той же ночью меня поднимают и тащат к Азазелю – моему рабовладельцу. Неважно, ранен ты или нет, но, когда он зовет, надо идти. По крайней мере, он оказался достаточно деликатен, чтобы прислать за мной пару здоровых проклятых душ с приказом доставить меня к нему во дворец на носилках.

По красоте и размерам ни один дворец в Аду не может сравниться с люциферовским. Хозяин живет на вершине башни из слоновой кости высотой в несколько миль. С земли даже невозможно разглядеть ее вершину. В Аду шутят, что он забрался так высоко специально, чтобы высовываться из окна и колотить ручкой метлы в пол Рая, когда хочет, чтобы они приглушили хор.

Кроме Люцифера, свои дворцы имеют четыре его любимых генерала.

Азазель – второй по значимости, поэтому его дворец уступает по красоте и размерам только дворцу Вельзевула. Вельзевул среди них главный. В то время как дворец Азазеля полностью выстроен из проточной воды, место обитания Вельзевула – это кирпичи из грязи и навоза, покрытые человеческими костями. Не то чтобы это можно было назвать красивым, но такое архитектурное решение, безусловно, впечатляет.

Внутренне убранство дворца Азазеля почти целиком состоит из готических арок и витражей, выложенных в классическом соборном стиле. Покрытый ковром неф ведет к алтарю в дальнем конце зала, где устроен гигантский часовой механизм, на котором фигурка Христа каждый час содомирует Деву Марию.

– Ты должен убить для меня Вельзевула, используя навыки, приобретенные на арене, – говорит Азазель.

– А разве я не должен сейчас наслаждаться заслуженным выходным? Я как раз принимал поздравления и разбрасывал серпантин.

Он улыбается, демонстрируя сотню острых зубов:

– Отлично. Значит, тебя никто не заподозрит. И что гораздо важнее – никто не заподозрит меня. – Он протягивает мне заостренный кусок металла, закрученный в спираль, – нечто, напоминающее нож для колки льда. Я видел эту штуку раньше. Это любимое оружие генерала Белиала. – Оставь это, но не забудь сначала окунуть в кровь Вельзевула. – Он немного медлит. – И надень перчатки. Я не хочу, чтобы ты наследил там своей человечностью. Все должны подумать, что это сделал Белиал.

– Дворец Вельзевула – это целая, бл...ь, крепость. Там в десять раз больше солдат и охранных животных, чем у тебя. И все знают, на кого я работаю. Его охрана даже близко меня не подпустит.

Азазель опять показывает мне зубы. Он обожает это делать. Когда-то я мочился от страха при виде его зубов. Но теперь это просто ритуал – как собака, кусающая за горло другую собаку, чтобы напомнить ей, кто здесь Альфа.

Азазель лезет в складки одежды, сотканной из мерцающей золотой воды, и вынимает оттуда тяжелый латунный ключ.

– Ты когда-нибудь слышал о Комнате Тринадцати Дверей? – спрашивает он. – Этот ключ приведет тебя туда. Из комнаты открываются двери куда угодно – в любую точку Вселенной. Включая спальню Вельзевула.

Он протягивает мне ключ. Он тяжелее, чем кажется, и странно мягкий. Я начинаю понимать, что он вовсе не из латуни. Это живая кожа, натянутая на кости.

– Через час ты зайдешь в Комнату Тринадцати Дверей через тень за алтарем. Оттуда выйдешь в Дверь Огня. Это портал для убийств. Он приведет тебя прямо к твоей жертве. Как только прикончишь Вельзевула, оставь там оружие Белиала и возвращайся обратно.

Я поворачиваю ключ в руках. Наверное, следовало ужаснуться, но мне как-то все равно. В ключе есть что-то животное – словно это домашний питомец, пытающийся угодить хозяину.

– Наверное, ты думаешь, что получил возможность сбежать? – спрашивает Азазель.

– Я? Мне здесь нравится, босс. Зачем мне сбежать?

Он касается бородки ключа кончиком пальца.

– Люцифер может покидать Ад и с легкостью путешествовать в космическом пространстве, но остальные привязаны к этому месту, поскольку прокляты небесным врагом. Я нашел способ выбраться отсюда. Но не для себя, а для кого-то вроде тебя. Однако ты должен помнить, что не следует заходить слишком далеко. Хотя я не могу выйти из Ада, у меня есть некоторое влияние в вашем мире – среди людей, преданных нам. Если рассердишь меня, попытавшись сбежать, то что-нибудь ужасное случится с теми, кого ты любишь. Например, с прелестной девушкой, которая там осталась. Если ты понимаешь, о чем я...

– Я понимаю.

– Ты не уйдешь отсюда. Возможно, когда-нибудь, но не скоро и ненадолго. – Азазель поворачивается, намереваясь покинуть зал. – Держи ключ ближе к телу. Таким образом он поймет, когда открыть. Выжди час, прежде чем начинать. Когда это случится, я должен быть на виду у всех.

Как послушный маленький раб, я делаю все в точности так, как приказал хозяин. Я выжидаю час, затем проскальзываю в тень за алтарем. Оказавшись в полной темноте, я чувствую, как проваливаюсь в прохладный воздух.

Затем я попадаю в полукруглую комнату, из которой выходят – сюрприз! – ровно тринадцать дверей. Все двери изготовлены из разных материалов: дерево, вода, воздух, камень, металл. Есть и более абстрактные материи. Дверь Сновидений, например, движется и извивается, меняя свою форму каждую секунду. Из дальнего конца комнаты доносится звук. Я подхожу к единственной двери без опознавательных знаков и прислушиваюсь. Что-то движется там, и оно знает, что я здесь. Что-то рычит и царапает дверь, пытаюсь до меня добраться. Затем раздается вопль – долгий пронзительный звериный крик, полный ярости, который бьет по мне, как нож, втыкающийся в череп. Теперь я знаю, что сделаю все, что захочет Азазель, и убью любого дьявольского жителя Ада, на которого он мне укажет. Я буду его слугой до тех пор, пока он не оставит Элис в покое или

пока он не прикажет мне пройти через неотмеченную дверь.

Я просыпаюсь в привкусом Ада в горле. Я понимаю, что это лишь плохая водка, но легче от этого не становится. Голова моя полна чудовищ, и я сам – одно из них. Я сажусь, вдыхая запах серы, и мечтаю о том, чтобы кого-нибудь убить. Как было бы славно, если бы сейчас через окно ворвался какой-нибудь демон. Тогда я бы взял костяной нож и с удовольствием вырезал ему черное сердце. Как много еще осталось неразрешенных вопросов. Такое чувство, что, с тех пор как я вернулся, я не занимаюсь ничем, кроме болтовни. Мне нужно сделать что-нибудь. Убить кого-нибудь. Например, Азазеля, но я и так его уже убил.

Мне страшно. Мне ох...нно страшно. Даже не знаю, что хуже: Ад или этот дурацкий мир, который для меня уже никогда не станет своим. Но надо продолжать беседовать с людьми. Надо продолжать задавать правильные вопросы. Хотя, возможно, я пропустил самый важный из них.

Я вскакиваю с кровати и с грохотом открываю кладовую, чуть не срывая дверь с петель. Касабян слабо вскрикивает и смотрит на меня с испугом. Я беру его голову двумя руками и поднимаю, чтобы заглянуть ему прямо в глаза.

– У меня к тебе один вопрос, Касабян. Клянусь Богом, дьяволом, всем святым и нечестивым, что если ты хотя бы на долю секунду попытаешься меня нае...ать, то я немедленно выкину тебя в океан. Ты меня понял?

– Да, – еле шепчет он.

– Где тело Элис?

– Я не знаю.

– Не смей лгать мне!

– Клянусь, я не знаю! Господи, я не настолько пи...анутый. Паркер должен знать. Это он ее убил. Только Паркер может тебе сказать!

В глазах Касабяна бьется неподдельный ужас. Кажется, я сжал его сильнее, чем намеревался. Покрасневшие щеки начинают синеть. Я ставлю его обратно на

полку и прислоняюсь к стене.

Касабян смотрит на меня так, будто видит впервые.

– У тебя что, гипогликемия? Съешь кекс, черт тебя дери.

– Сигареты принесу позже, – говорю я и закрываю дверь кладовой.

Мне надо задать еще один важный вопрос, но пока что я слишком взволнован. Касабян сказал правду – я «прочитал» это в его сознании. Он был готов обмануть меня, но не смог придумать достаточно убедительную ложь. Это значит, что я не смогу найти тело Элис, пока не выслежу Паркера. Я так взвинчен оттого, что в моей голове всю ночь кипел Ад, что испытываю потребность что-нибудь сломать, причем как можно скорее. Ненавижу такое состояние. У них случайно нет курсов по управлению гневом для профессиональных убийц?

Снизу доносится голос Аллегры. Не слышал, как она вошла. Девушка разговаривает с кем-то через свой блэкберри. Я оглядываюсь в поисках чистой рубашки и понимаю, что забыл ее вчера купить. Тогда я краду еще одну футболку «Max Overdrive» из коробки и тихо спускаюсь по лестнице. Я совсем не в подходящем настроении, но надо что-то делать прямо сейчас, чтобы потом не случилось еще худшее.

Аллегра стоит спиной ко мне, поглощенная разговором по телефону. Она не слышит, как я подхожу к ней. Обернувшись и внезапно увидев меня, она слегка подпрыгивает.

– Господи, вы как привидение! – говорит она. Затем в блэкберри: – Нет, это не тебе. Я перезвоню.

Она снимает пальто, прячет его под прилавок и начинает раскладывать деньги, готовясь к рабочему дню.

– Я думала, вы наверху. Я слышала шум.

– У меня был включен фильм. «Песчаный дьявол». Смотрела когда-нибудь?

- Кажется, это фильм ужасов?

- Что-то типа смеси фильма ужаса со спагетти-вестерном. Советую глянуть. Девушка бросает своего парня, а затем бо́льшую часть фильма пытается спастись от призрачного убийцы, который вроде как в нее влюблен. Она хоть и бежит от него, но не трусит. Наоборот - храбро оказывает сопротивление. Она бы тебе понравилась.

- Спасибо. Обязательно посмотрю.

Аллегра рассеянно улыбается мне.

- Слушай, прости. Вчера вечером я болтал какую-то чушь. Меня просто долго не было в городе. Я здесь вырос, но теперь он для меня все равно что темная сторона Луны.

- Иногда я испытываю те же чувства.

- Есть еще один момент, который тебе следует знать. Ты интересовалась, не бывший ли я заключенный? Так вот - ответ утвердительный.

- О... - Она занята тем, что разрывает столбики монет и раскладывает сдачу по ячейкам кассы. - Я интересовалась только потому, что увидела шрамы.

- Станет ли тебе спокойнее, если я скажу, что попал туда не из-за того, что сделал, а потому, что так захотел кто-то другой?

- Да неужели? Честное слово?

- Это была даже не тюрьма, а нечто вроде исправительных работ. Если все получится, я никогда туда не вернусь.

- У меня был парень, который отсидел.

- Наркодилер, да?

Она посмотрела на меня, и выражение ее лица сменилось с интереса на подозрение:

- Откуда вы знаете?

- Давным-давно у меня была девушка, которую звали Элис. Когда я с ней только познакомился, ее глаза были в точности как у тебя. Что-то странное случается с глазами девушек после романа с наркодилером. Это очень особый взгляд. Как будто они навсегда разучились доверять людям. Они смотрят на тебя так, будто пытаются понять, одного ли ты с ними вида. Человек ли ты или, может, змей в маске человека.

Она все еще смотрит на меня, размышляет и оценивает, словно стараясь определить животное я, растение или минерал:

- Может, сменим тему разговора?

- Конечно. Просто я хочу, чтобы ты знала правду. Я не змей. Я такой же человек, как ты.

Она поворачивает ключ в кассе, обнуляя все вчерашние транзакции, чтобы подготовиться к сегодняшним.

- Но ведь это не вся правда, верно? Вы не похожи на Майкла, но в ваших глазах имеется что-то змеиное.

- Ну а что ты хотела? Я же из Лос-Анджелеса.

Она смеется. Я слышу ее ровное дыхание и стук сердца. Конечно, она не перестала бояться - для этого она слишком умна и осторожна. Но и не будет звонить в полицию или втыкать в меня нож, пока я сплю... Или что обычно в таких случаях делают красивые девушки?

Я начинаю подниматься на второй этаж, но на середине лестнице оборачиваюсь к Аллегре:

- А какой сегодня день?

- Четверг. Через несколько дней Новый Год.

- Надо взять для магазина немного шампанского. И хлопушек еще. Которые похожи на маленькие бутылочки. Возьми немного денег из кассы и купи все, что нужно для праздника.

- Сколько можно потратить?

- Покупай все, что захочешь.

- Эй, на вас вчера была надеты отличные кожаные вещи. Вы байкер?

- Нет, но могу одолжить мотоцикл на вечер.

ТАМ, В НИЖНЕМ Мире, одна из вампирш-собутельниц Азазеля по имени Галина любила потчевать меня историями о том, как охотится на людей. Она вдавалась в самые изысканные подробности - в основном для того, чтобы испортить мне аппетит. Или чтобы вывести меня из равновесия перед боем на арене. У нее были проблемы с азартными играми.

Галина сказала, что большинство вампиров стараются вести как можно более скромный образ жизни. Они одеваются, действуют и даже ходят на работу, как совершенно обычные люди. Большинство вампиров питаются раз в месяц, в новолуние. Месяц - это самый длинный срок, который вампиры могут прожить без свежей крови, если не хотят сморщиться до субстанции, напоминающей столетнюю вяленую говядину.

Бывают и другие вампиры. Именно о них обычно снимают кино. Психопаты-убийцы вроде Бешеного Пса или Дракулы-Восставшего-Из-Могилы. Они охотятся каждую ночь исключительно для того, чтобы насладиться свежим мясом. Наиболее очумелые даже не ждут наступления ночи. Они охотятся днем. Перебегая из одной тени в другую, они хватают людей прямо на улицах и жрут их за мусорными баками или тащат в наркопритоны, чтобы удовлетворить свою потребность рядом с другими зависимыми.

Этим вампирам нужен кайф, а не развлечение. Они охотятся за яростью. Они охотятся, потому что внутри них что-то сломано, и не важно, сколько новой крови они выпьют, в их венах она вся превратится в огонь. Они охотятся и убивают, потому что им это чертовски нужно; потому что, если бы они этого не делали, они бы сами себе отрывали головы. Как принятая доза наркотика, удовлетворение от убийства длится недолго. Но на несколько минут или, может, на час в пропащей душе настает мир, и пылающий огонь угасает до одинокого тлеющего уголька. До тех пор, пока желание убивать не приходит снова.

За годы пребывания в Нижнем Мире я усвоил только одно: я хоть и не вампир, но зависимый. А каждому зависимому нужна своя доза.

ФУРГОН ДОСТАВКИ отъезжает от тротуара перед «Бамбуковым домом кукол». Я вхожу внутрь и вижу штабель коробок с виски, металлические кеги с пивом и Карлоса у бара в окружении трех долговязых скинхедов. На одном из них куртка-бомбер, на другом футболка с изображением какой-то блэк-металлической группы, а на третьем – самом здоровом – немецкая офицерская шинель.

Куртка-бомбер дергает головой в мою сторону.

– Мы закрыты!

– Давай поскорей, зайка, – говорю я. – Я же знаю, как ты по мне скучала.

Куртка-бомбер вытаскивает – бл...ь, вы можете в это поверить? – пистолет Люгера! Наверное, он думает, что так похож на Роммеля. Быстрее, чем он успевает сообразить, я загребаю один из пивных кегов и швыряю в него снизу. Кег бьет ему в грудь и отшвыривает к противоположной стене зала. «Люгер» вылетает из руки и падает где-то рядом с баром.

Бритый орангутан в офицерской шинели начинает двигаться ко мне, в то время как блэк-металлический скинхед вынимает из сапога внушительный самодельный кинжал. Желая повеселиться, я иду прямо к типу с ножом. Это сбивает с толку орангутана, который просто поворачивается и смотрит, как я шагаю к его приятелю, машущему ножом на вытянутой руке в попытках меня полоснуть. Прошло довольно много времени с тех пор, как я дрался с людьми,

поэтому не очень понятно – действительно ли я такой резкий или просто эти «гении» так тормозят. Я легко проскальзываю мимо лезвия скинхедовского ножа и бью его в локоть – стараясь рассчитать усилия так, чтобы сделать ему больно, но не сломать. Пока он наблюдает маленьких птичек, чирикающих вокруг головы, я хватаю его за руку, легкой танцующей походкой разворачиваюсь вместе с ним на месте и толкаю в орангутана, подкрадывающегося ко мне сзади.

Но орангутан слишком здоровый, чтобы просто так упасть. Он отшатывается на шаг, затем бросается на меня – быстрее, чем я ожидал. Достаточно быстро, чтобы схватить меня за куртку и ударить твердым, как монтировка, кулаком в челюсть. Мне не очень хочется ввязываться с этим парнем в настоящую драку, потому что меня больше интересует его напарник с ножом. Пока он разворачивается для еще одного тяжелого удара в стиле Джона Уэйна, я быстро хватаю с бара приземистый стеклянный подсвечник с толстым дном и разбиваю о его голову. Удар отбрасывает его к противоположной стене, и он сползает по ней на пол, как куча окровавленного белья.

Парень с ножом возвращается ко мне. Ему хватает мозгов не стараться воткнуть в меня лезвие, он пытается им полоснуть. Его рука движется то влево, то вправо, то вверх, то вниз. Он хочет застать меня врасплох и вынудить истечь кровью. Я парирую его удары, иногда позволяя резануть меня по предплечью или плечу. Это как раз то, что я хотел – проверить кевларовую броню куртки в реальной переделке. Парень истекает поётом, бросаясь на меня изо всех сил. Лицо его искажено бешеным гневом. Танцевать с ним одно удовольствие. Готов поспорить – если я время от времени буду пропускать его удары, то он так и будет скакать вокруг, пока не умрет от старости или инсульта.

Парень, которого я повалил пивным кегом, лежит без движения, но орангутан начинает подниматься на ноги. Наверное, пора закругляться.

Когда блэк-металлический скинхед делает очередной рубящий удар сверху вниз, я подставляю правую руку и хватаюсь за нож. Лезвие глубоко входит в мою ладонь, и ее прошивает привычная боль – будто одновременно электричеством и теплом. Я наношу ошеломляющий удар левой рукой в челюсть, затем поворачиваю правую руку и аккуратно отламываю лезвие от ножа. В этот момент на меня бросается орангутан. Я резко приседаю и заталкиваю отломанное лезвие глубоко в его бедро. Взыв от боли, он падает на бар.

Черт, как же здоёрово бить идиотов!

Никто из скинхедов не горит желанием продолжать, поэтому я оглядываюсь в поисках «люгера». Карлос застыл за стойкой бара с таким видом, будто не знает, кого ему бояться больше – меня или нацистов на полу. Я замечаю пистолет под дальним барным стулом и встаю на колени, чтобы его достать.

Как раз вовремя!

Бело-голубой шар из плазмы пролетает всего в нескольких миллиметрах от меня и взрывается у дальней стены.

Я мгновенно разворачиваюсь и тут же вижу его. Зря, наверное, я так веселился, утратив бдительность. Я даже не подумал, что на складе может скрываться кто-то еще. Я выхватываю «люгер» из-под стула, но это не помогает, потому что четвертый скинхед делает нечто более интересное.

Он поднимает правую руку. В ней какая-то штука со светящимся концом. Сучковатая палка, похожая на короткую ветку дерева. Она обхватывает все предплечье – от пальцев до локтя. Это обломок Дьявольской Маргаритки. На самом деле понятия не имею, как правильно это зовется. Дьявольскими Маргаритками называю их я. Давно я такого не видел – в последний раз на арене. Это все, о чем я успеваю подумать, прежде чем он выстреливает в меня языком сине-белого драконьего огня. Я по-прежнему опасаюсь использовать магию. Поэтому прыгаю влево, переворачивая несколько столов и стульев, и падаю на пол. Второй выстрел проходит неточно, как и третий. Тем не менее я чувствую кожей тепло и статику от проносящихся мимо плазменных зарядов.

Это очень мощная магия. Но по тому, как он размахивает «веткой», становится очевидным, что он не совсем понимает, что это такое и как используется вне пределов самой примитивной стратегии «молись и целься».

Мое предположение о том, что он не контролирует свое оружие, тут же подтверждается, когда орангутан кричит что-то, а тот поворачивается и чуть не сносит ему Маргариткой ногу. «Три балбеса»[36 - «Три балбеса» – американское трио комедийных актеров, пользовавшееся большим успехом в период с 1920-х по 1970-е годы.] раздобыли где-то лучи смерти.

– Мудак! – кричит тот, у кого я отобрал нож.

Он поднимается на ноги. Вдвоем с орангутаном, из ноги которого по-прежнему торчит лезвие, они берут контуженного кегом под руки и выволакивают за дверь. Дурак с Маргариткой отступает за ними, держа ветку так, будто это пистолет.

- Бл...ь, что это было? – раздается голос Карлоса.

- Нацистский придурок, должно быть, влупил из ракетницы, – вру я.

Я подхожу к стойке, кладу на нее «люгер» и толкаю Карлосу.

- Счастливого Рождества! И не говори, что я не умею отдариваться.

- И что я с этим должен делать?

- Не знаю. Положи рядом с полинезийскими куклами.

- Я не люблю оружие. Он заряжен?

Я вытаскиваю магазин, проверяю и вставляю обратно.

- Ага. Держи его в стойке бара. Эти парни обязательно вернуться. Не сегодня, но достаточно скоро.

- Ты уверен?

- Абсолютно.

- Все равно не надо, – отвечает он и толкает «люгер» обратно.

Я щелкаю предохранителем и запихиваю пистолет в карман куртки. Карлос кивает.

- Ты истекаешь кровью, – говорит он и подает мне чистое полотенце.

Я обматываю его вокруг руки, которой хватался за нож скинхеда. Рука еще болит, но к тому времени, когда я выйду на улицу, кровотечение полностью прекратится.

Карлос облакачивается о стойку бара.

– Ну и кто ты такой? Спецназовец? Или что-то вроде ниндзя?

– Ага. Я призрак Брюса Ли. У тебя есть сигарета?

Карлос качает головой. Для него пережитые впечатления горят еще ярко, но для меня все кончено. Ярость выветрилась, и теперь у меня появились другие, гораздо бо?льшие проблемы. Без сомнения, в меня стреляли из магического оружия, но стрелял тот, кто понятия не имел, что делает. Я обдумываю возможность того, что это Мейсон подослал скинхедов – и не для того, чтобы «наехать» на Карлоса, а чтобы устроить засаду на меня. Но кажется, это не имеет никакого смысла. Если Мейсон решит послать по мою душу боевой отряд, то он непременно озаботится тем, чтобы они понимали, что у них за оружие и как с ним обращаться.

Кто этот дьявольский Крис Крингл[37 - Крис Крингл – он же «Тайный Санта», то есть человек, анонимно раздающий подарки на Рождество.], который раздает лучи смерти придуркам?

– Можно мне позвонить? – спрашиваю я.

Карлос молча протягивает телефон, и я набираю номер своей старой квартиры. Трубку берет Видок.

ТРИДЦАТЬ МИНУТ СПУСТЯ мы сидим с Видоком в магазине пончиков на Сансет, пьем кофе и едим. Платит он. Я почти на мели. Но, по крайней мере, деньги «Брэда Питта» были потрачены не зря. Ожидая Видока в «Пончиковидной Вселенной», я осмотрел мотоциклетную куртку на предмет повреждений. Кевлар с успехом сдал экзамен. Ни один из ножевых ударов не сумел пронзить броню. Все повреждения остались на коже, но их будет легко исправить с помощью клейкой ленты.

– Я слышал об амулетах силы, которые работают как оружие, но они не похожи на то, что ты описал, – говорит Видок. – Но я знаю того, кто может быть в курсе. Скоро я вас познакомлю.

Француз ставит на стол бумажный пакет. Я откусываю от баварского заварного пирожного.

– Что это?

– Посмотри сам, – говорит он и толкает пакет мне.

Я открываю и заглядываю внутрь. Пакет полон рубашек.

– Это твое. В футболках из видеомагазина ты выглядишь как подросток-задрот. Пора надеть свою одежду. Она поможет тебе вспомнить, кто ты есть.

Я снимаю верх пакета и кладу рядом с собой на сиденье. Наверное, в этих рубашках я буду выглядеть глупо. В моей голове мне все еще девятнадцать. Я застрял в том времени, но каждый раз, когда гляжу в зеркало, я словно получаю удар по яйцам. Что ж, теперь, по крайней мере, никто не станет требовать у меня паспорт, если я захочу купить пиво.

Но пока я не хочу заглядывать в пакет. Мне даже хочется сжечь все, что мы оставили с Элис одиннадцать лет назад. Но другая часть меня мечтает оставить все как есть, застыв во времени, как жуки в янтаре. Я не думал, что когда-нибудь мне доведется снова надеть свою одежду.

– В том амулете было что-то странное и знакомое одновременно. Я пытался вспомнить, что это такое, с тех пор как вышел из клуба.

«Пончиковидная Вселенная» – это круглосуточное заведение с космической тематикой. Над витриной висит большой пластмассовый НЛО. Девушка за стойкой – зеленоволосая фея, которой может быть как двадцать, так и все тридцать пять. На ней антенны с блестками, подпрыгивающие вверх-вниз, когда она говорит. Взрослая часть моего мозга представляет, что после работы она срывает с себя эти дурацкие шмотки и бросает на заднее сиденье машины. Но девятнадцатилетний я задается вопросом, надевает ли она антенны, когда

трахается, и каково это – смотреть вверх и видеть, как она прыгает на тебе с этими блестящими шариками на голове.

– Один раз я такое наблюдал в Нижнем Мире, когда двое больших рогатых демонов вытащили меня из постели посреди ночи. Моим боссом был Азазель, но эти двое работали на Мефистофеля. Генерал с огненным дворцом. Третий любимый генерал Люцифера. Его ребята потащили меня на арену. Это было уже после закрытия, но на трибунах сидели несколько десятков демонов из местной аристократии. Они захотели посмотреть шоу с живым мальчиком в частном порядке. Для меня же это означало только одно: через несколько минут мне в очередной раз надерут задницу.

Мое любимое оружие – наац – валяется на полу. Наац – это что-то вроде копья, но оно может менять форму и превращаться в нечто бо?льшее, чем копье, если вы знаете, как им пользоваться. Как во всем остальном там, внизу, в названии сокрыта демоническая шутка. Демоны называют наац «шипом», поскольку его полное наименование – наацуц. Это вид кустарника, из которого делали венок для Христа.

На противоположной стороне арены стояло нечто, полностью задрапированное в черное. Когда оно подползло ближе, я понял, что это не ткань. Оно было черным, как сама чернота. Это было похоже на дыру, пробитую во Вселенной. И оно непрерывно двигалось и меняло форму, как простыня на бельевой веревке в ветреный день.

Затем это просто застыло на месте, и мне пришлось идти к нему. Я сделал несколько ложных выпадов, пытаюсь втянуть его в драку, но тщетно. Я даже обошел его, но оно не шевелилось. Наацуц находился в режиме копья. Тогда я сделал быстрый сильный выпад в сторону головы этой штуки, но наац прошел через нее, словно сквозь пустоту. Но когда эта тварь подняла руку, чтобы оттолкнуть меня, я получил удар, как от самосвала.

Наац разворачивается на десять футов, когда вы полностью его открываете. Поэтому, когда тварь перешла в наступление, я выпустил наац на всю длину и размахнулся им, как цепом. Наац снова пролетел сквозь эту штуку. Я не собирался позволить ей опять себя ударить, поэтому «включил Мухаммеда Али» и стал порхать по всей арене, пытаюсь понять, что делать дальше. Совершенно неясно, как бороться с тем, к кому не можешь даже прикоснуться.

Потом черная тварь вытащила что-то из кармана. И это что-то было очень похоже на амулет в баре. Только существо знало, как им пользоваться. Для начала оно выстрелило мне под ноги, ослепив меня выбитой грязью. Затем принялось стрелять вокруг меня, чтобы я не мог никуда убежать. Оно могло сжечь меня в любой момент, но не торопилось, стараясь распалить азарт демонов, сидящих на почетных местах.

После всех прожитых здесь лет и всего того, что со мной случилось, пока я убивал других, этот банный халат с лазерной пушкой намеревался убить меня. Думаю, что так бы и случилось, если бы на арену не ворвался Азазель. Он стал кричать на Мефистофеля, и я подумал, что на трибунах сейчас вспыхнет самая настоящая драка. Никто не хотел уступать, и некоторые из приятелей Мефистофеля уже начали вытаскивать ножи.

И что ты думаешь? Через минуту зашел сам Люцифер, и все тут же заткнулись.

Следует понимать, что Люцифер почти никогда не разговаривает, а если начинает говорить, то только шепотом. Когда половина Вселенной прилипает к каждому твоему слову, кричать нет необходимости.

«Все кончено, – сказал он. – Расходитесь по домам. Мефистофель – с утра ко мне в башню». Вот и всё, собственно. Адские «важняки» побежали кто куда, как нашкодившие дети. Затем он повернулся к черной твари и что-то ей сказал. Существо замерло на месте. Люцифер отдавал какой-то приказ, а оно стояло и слушало. Надо иметь титановые яйца, чтобы такое выдержать. Пару минут спустя существо сошло с арены и растаяло, как дым.

До этого я видел Люцифера всего пару раз, и однажды говорил с ним, а тут он сам подошел ко мне и велел идти домой спать. С тех пор ничего подобного больше не случилось.

– И что ты насчет этого думаешь? – спрашивает Видок.

– Амулет навел на кое-какие мысли. Кем бы оно ни было – то черное существо, – но оно, должно быть, обладало колоссальной мощью, поскольку пыталось смотреть Люциферу в глаза. Мефистофель точно знает, что это. Ведь тогда была его вечеринка. А что если... Мефистофель понял, что не сможет победить в войне в Нижнем Мире, поэтому стал вербовать темных магов, чтобы те помогли

ему перебраться на Землю?

– Я думал, только у тебя есть ключ, который может позволить им войти в этот мир.

– Вот именно. На этом цепочка моих рассуждений прерывается. Кроме Люцифера, никто не может выбраться из Ада без ключа, а он все еще со мной.

Отпив кофе, Видок морщится:

– Как вы, люди, пьете это говно?

Он вынимает из кармана флягу и выливает изрядную часть содержимого в чашку. Затем снова отпивает кофе и довольно улыбается:

– Похоже, надо найти этих нацистских малышей и настоятельно расспросить у них, откуда у них такие игрушки.

– Это – второе, что нужно сделать. Первое – попасть в дом Мейсона. Пойдешь со мной?

– Проникновение со взломом? Узнаю старого друга. Я покажу тебе, как хороший вор зарабатывает на хлеб насущный.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

«The Germs» – первая панк-группа в Голливуде, игравшая хардкор, чьи песни в дальнейшем вдохновили десятки групп, в том числе Nirvana (здесь и далее прим. пер.).

2

Engineer boots – сапоги из толстой кожи с высоким голенищем и фиксирующими ремешками сверху и снизу. Приобрели культовый статус среди молодежи в 1950-х годах после выхода на экраны фильма «Дикарь» с Марлоном Брандо.

3

Veritas (лат.) – истина.

4

«Black Black Gum» («Чернее Черного») – японская жевательная резинка. Содержит в составе ментол, эвкалипт и кофеин, оказывающие сильное тонизирующее действие.

5

Примерно 5 сантиметров.

6

«Деревенщина в Беверли-Хиллз» («The Beverly Hill billies») – американский комедийный сериал 1960-х годов.

7

«Алгонкинский Круглый Стол» («Algonquin Round Table») – один из самых влиятельных кружков нью-йоркской культурной богемы, регулярно собиравшийся в отеле «Алгонкин» с 1919 по 1929 г. Упражнявшиеся в тонком остроумии члены кружка внесли весомый вклад в американскую культуру.

8

«Circle Jerks» – американская хардкор-группа, в первой половине 1980-х считавшаяся ведущей на лос-анджелесской панк-сцене.

9

Мартин Дэнни (1911–2005) – американский пианист и композитор, родоначальник музыкального направления Exotica, представляющего собой сочетание различных этнических стилей.

10

Тамале – острое блюдо мексиканской кухни: лепешка из кукурузной муки с начинкой из мясного фарша с перцем чили, обернутая кукурузными листьями и приготовленная на пару.

11

«Богатенький Ричи» («Richie Rich») – американский кинофильм 1994 года с Макколеем Калкиным в главной роли.

12

«Видео в максимальном ускорении» (англ.).

13

Снеговик Фрости – герой популярной рождественской песни.

14

Джордж Орсон Уэллс (1915–1985) – американский режиссер, актер и сценарист. Наиболее знаменит радиопостановкой «Война миров» (1938) и художественным фильмом «Гражданин Кейн» (1941).

15

Baby Gap – детская линия одежды американского бренда Gap.

16

Винсент Леонард Прайс-младший (1911–1993) – американский актер, особо полюбившийся публике благодаря эффектным ролям в фильмах ужасов.

17

Три метра.

18

Уайетт Берри Стэпп Эрп (1848–1929) – страж закона и картежник времен освоения американского Запада, широко известный благодаря книгам и фильмам в жанре вестерн.

19

Больше 90 килограммов.

20

Капитан Кенгуру, Мистер Зеленые Джинсы – персонажи американского детского юмористического сериала «Капитан Кенгуру» (1955–1984).

21

Кайзер Созе – персонаж художественного фильма «Подозрительные лица» («The Usual Suspects») 1995 г.: легендарный турецкий бандит, про которого все слышали, но никто не видел в глаза.

22

Чернильная фигура в виде кляксы, используемая в психодиагностическом Тесте Роршаха. Служит стимулом для свободных ассоциаций.

23

Фокси Браун (род. в 1980 г.) – чернокожая американская рэп-исполнительница, актриса и модель.

24

«Баухаус» («Bauhaus») – британский музыкальный коллектив (1978–2008), признанный одним из основателей и наиболее ярких представителей готик-рока.

25

Вино дырявой памяти (фр.).

26

И вот! (фр.)

27

Sub rosa (Под розой) – латинское крылатое выражение, соответствующее русским «тайно», «втайне», «по секрету».

28

День высадки англо-американских войск в Нормандии 6 июня 1944 г.

29

Имеется в виду Лос-Анджелес.

30

Рой Роджерс (1911–1998) – американский актер и певец, снявшийся в 90 фильмах и более 100 телесериалах, практически всегда выступая в амплуа благородного ковбоя.

31

Стрип-молл – длинное одноэтажное здание (обычно вдоль автотрасс), разделенное на секции, в которых размещаются магазины.

32

Блэкберри – здесь: смартфон с механической клавиатурой.

33

Кодовая фраза инопланетянина из американского фантастического фильма «День, когда Земля остановилась» 1951 г.

34

Рогипнол – медицинский препарат седативного действия, приобретший печальную известность как «наркотик для изнасилований», поскольку его употребление в комбинации с алкоголем вызывает провалы в памяти.

35

Александр Джозеф (Лекс) Лютор – вымышленный персонаж, заклятый враг Супермена.

36

«Три балбеса» – американское трио комедийных актеров, пользовавшееся большим успехом в период с 1920-х по 1970-е годы.

37

Крис Крингл – он же «Тайный Санта», то есть человек, анонимно раздающий подарки на Рождество.

Купить: https://telnovel.com/kadri_richard/sendmen-slim

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)